

Александр Тюжин

Александр Тюжин
Канны для ванны
Серия «Ковчег (ИД Городец)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57310301
Канны для ванны: Городец; Москва; 2020
ISBN 978-5-907085-76-3

Аннотация

Апокалипсис? Сказки. Даже если дата назначена, все равно не случится. Подумаешь, предсказание. Так считают многие. А вот если твой день рождения совпадает с днем конца света, уже как минимум неприятно. Согласны? Вот и начинаешь размышлять о смысле жизни. Успел ли ты сделать что-то великое, хотя бы просто достойное? Разумеется, нет. Вакцину от рака не изобрел, олимпийское золото не получил, экспедицию на Марс не организовал, и таких «не» наберется целая куча. А тут еще и полка пустует, а на ней могла бы красоваться «Пальмовая ветвь» Каннского кинофестиваля. Решено. Снимаем фильм. Команда собрана, сценария не будет – прогрессивные режиссеры полагаются на вдохновение. Герой найден, дело за малым. Но что-то, как говорится, пошло не так. Вполне безобидные съемки красивой истории любви превратились в настоящее приключение с неожиданным финалом. Каким? Не ждите спойлеров. Их не будет!

Александр Тюжин

Канны для ванны

© А. Тюжин, 2020

© ИД «Городец», 2020

* * *

Елене Манн

У меня была мечта. И никакая сила на свете не заставила бы оторвать зад от мягкого кресла и начать путь к ее осуществлению. Я же русский человек, это на западе Штольцы по земле разгуливают, а у нас работать никто не любит, у нас – беспросветная обломовщина. И потом, мечта, она на то и мечта, чтобы, как звезда с небес, на лапу тебе свалиться с криками: «Вот она я, счастье твое ненаглядное».

Сами понимаете, что я только на чудо и рассчитывал. У нас и сказки такие: лежи себе тридцать три года на печи, а потом раз – и ты богатырь, да такой, что человек-паук или бэтмен с тобой и рядом не валялись; или сходи один раз за водой – и все: можешь потом с печки не слезать, будет она тебя развозить, куда скажешь, почище любого такси, и никакие навигаторы ей не нужны; или стрелой попади куда-нибудь лягушке, а она тебе и ковер соткет, и ужин приготовит,

и даже в красавицу писаную превратится, прелестней Джоли да Пенелопы Круз, а ты, опять же, лежи себе да только команды раздавай. И так во всем.

С другой стороны, любой труд не остается незамеченным. Будешь пахать с утра до ночи, что-нибудь да получишь. А если совсем поднажать, то в нагрузку к грыже можно и мечту получить. Таковую на блюдечке с голубой каемочкой, как у Ильфа с Петровым. Здорово, да? Только это не мечта уже будет, а цель. Все, чего ты можешь добиться самостоятельно, это цель. А мечта куда значительнее и недоступней. Мечта – это вообще самое важное, что есть в нашей жизни. Потому как цели у нас похожи, а мечты – разные. И вместе с характером они и определяют нашу индивидуальность.

Вот я умный! Прямо второй на планете, сразу после Эйнштейна. Сам удивляюсь, откуда что берется. Главное, прочел всего книг десять, не больше. Просто чтение – это скука смертная. Все слова, слова, сплошные описания – даже зевать хочется, как вспомню. Вот кино – это дело иное. С хорошим кинчем мало что сравнится.

А мечта моя как раз с кино связана. Есть у меня на полке место свободное. Книжки я сжег. Помните, Сорокина сжигали? «Голубое сало» или что-то в этом роде. Сорокина у меня, разумеется, не было, а вот желания избавиться от пыльных и дряблых собраний сочинений Пушкина с Гоголем и Толстым в придачу – хоть отбавляй. Вот вы не спалили ваших «Пушкиных», они у вас место до сих пор занимают. Или

скажете, что чуть ли не каждый вечер включаете лампу со здоровенным абажуром, садитесь в кресло-качалку, укрываетесь клетчатым пледом (будто бывают другие пледы?) и воодушевленно перечитываете «Евгения Онегина», «Руслана и Людмилу», «Капитанскую дочку» и что там у него еще? Если именно так и происходит, то можете мне двинуть. Со всей мощи так, по-мужски. Но есть у меня подозрения, что я все-таки прав.

Инквизировав книги, я получил массу удовольствия и плюсов. Во-первых, избавился от невообразимой скуки, во-вторых, я осуществил то, что так давно задумывал, и в-третьих, освободил место на полке. И как только это произошло, у меня появилась мечта. Голубая такая, не в том плане, что стать геем, а в том, что заветная. Очень странно это, какому нормальному человеку пришло в голову обозвать самое лучшее, что может быть на земле, голубым? Он, наверное, сам был геем до мозга костей, вот и додумался. Но суть не в этом. Я вдруг захотел, чтобы место это было занято чем-то особенным. Не какой-нибудь задрипанной безделушкой или коллекцией фарфоровых обезьянок, а чем-то таким, что не стыдно выставить напоказ. Например, пальмовой ветвью. Такие в Каннах выдают на кинофестивале. Просто подумал: «А неплохо, пожалуй, „Пальмовая ветвь“ будет смотреться на этой свободной полке», и – пожалуйста, у меня появилась мечта.

Потом я еще подумал: «А „Оскар“ будет хорошо смот-

реться на этой полке?» И сам же себе ответил: «Нет, „Оскар“ не будет смотреться так же хорошо, как будет смотреться „Пальмовая ветвь“ на этой свободной полке». «Оскар» больше похож на безделушку, так себе дизайнчик, если честно. И потом, банально до невозможного мечтать об «Оскаре», любой массовщик так и видит себя на церемонии вручения с золотой статуэткой в обнимку. Потом я подумал про «Медведя» Берлинского кинофестиваля, но тут же отмел эту плохую мысль. Нет, нет, я не расист, но немцев, уж извините, не выношу. И пусть дед мой не умер во Второй мировой (он даже не воевал), ненависть к фашистам моя необъятна. Дело чести, если хотите. Так что даже не смейте портить мне мечту вашими медведями. И я снова поглядел на полку и в третий раз отметил, что «Пальмовая ветвь» будет смотреться на этой свободной полке великолепно.

А вот теперь объясню, почему это не казалось мне целью. Кино я любил, можно даже сказать обожал. Но к его производству я не имел ни малейшего отношения. Чтобы получить кинопремию, нужно снять фильм, а я ничего, кроме грязных носков и денег с карточки, никогда не снимал. Так что можно было спокойно ложиться на диван и ждать, что по воле случая рано или поздно прекрасная «Пальмовая ветвь» появится на моей столь же прекрасной свободной полке.

Вот я и лежал, поплевывал в потолок и смотрел «Однажды в Ирландии» Макдонаха-старшего. Фильм мне нравился, а вот перевод был плохой. Что поделать, никто не вино-

ват, что меня угораздило родиться в России, а не в Ирландии или хотя бы в Англии. Родился в стране шапок-ушанок и балалаек – получай плохие переводы. Фильм закончился, я выключил ноутбук, глотнул пива, и вдруг меня осенило. Две тысячи двенадцатый год, вот та сила, которая заставит меня из Обломова переквалифицироваться в Штольцы. Вот вы сейчас ухмыляетесь, мол, вруны эти майя, никакого конца света не будет. А у меня, между прочим, день рождения 21 декабря, мне, знаете ли, как-то не до шуток. Как вы представляете себе такую картину?

– Петенька, а что тебе подарили на день рождения?

– Мне приставку сони-плейстейшен!

– А тебе, Мишенька, что?

– Мне машинку.

– А тебе, Катюша?

– Мне парень подарил незабываемый секс.

– А тебе, Сашенька, что подарили?

– А мне подарили конец света, мать его!

Так, что ли? Не очень это вязалось с моими планами прожить сто шестнадцать лет, купить дом на побережье и научиться бросать фрисби на сто с лишним метров.

Но, главное, это значило, что кранты моей мечте. То есть я уже, можно сказать, совсем не человек, раз даже мечты у меня больше нет. Не нравилось мне это. И тогда я взял телефон и позвонил Новикову. Новиков – это мой друг, если вдруг вы не поняли.

Саня, как всегда, долго не брал трубку. Видимо, спал или делал вид, что спит, чтобы родичи его не припрягли чистить картошку. У них какой-то фетиш – чистить картошку. Соберутся все вчетвером и давай начищать, кто быстрее. Вроде не белорусы, а картошку любят. Наконец длинные гудки сменил заспанный голос Новикова.

– Алло.

– Ну ты, притворщик-самоучка, хорош подушку мять.

Он почему-то обиделся.

– Да я с ночной.

Новиков работал охранником в супермаркете. Тот, кто нанял Саню на работу, либо ущербный, либо у него шикарное чувство юмора. Из Новикова охранник как из меня Том Круз. Наверное, Павел Воля в три раза толще моего товарища. Но Саня решил качаться, купил себе штангу и гантели. Только наличие штанги никоим образом не значит, что он о ней вспоминает, берет и качается. Она пылится под его кроватью вместе со многими вещами, которыми Саня когда-либо решал заниматься.

Когда мне бывает грустно, я хожу в супермаркет, смотрю, как он старательно выполняет свои обязанности; как ходит по пятам за покупателями, делает суровое выражение лица, выглядывает из-за углов с целью словить подозрительного посетителя, который три раза обошел полку с консервированным горошком, но так ничего и не взял; и у меня сразу поднимается настроение. Однажды Новиков поймал-та-

ки одну несчастную старушку, которая пыталась утащить коробку нарезного сыра, и потом с гордостью всем рассказывал. Есть чем гордиться, если учесть, что ежемесячно из их магазина выносят товаров на тридцать пять штук. Я сам лично стащил банку тушенки. Но Сане об этом лучше не знать, поскольку это был эксперимент, и как раз в его дежурство.

Словом, товарищ обиделся на меня и сердито дышал в трубку.

– Это не отмаз. В совке все на заводе вкалывали, потом учились, а ночью в клубы на танцы ходили, и никто днем не дрях.

– Санчас, перезвони потом, – беспомощно вздохнул Новиков.

– Нет, нет, Новиков. Я не могу потом. Мне сейчас надо, – запротестовал я. – Потом может быть поздно.

– Вот блин! – снова вздохнул товарищ. – Ладно, подожди минутку, пойду умоюсь, а то спать нереально хочется. – И в трубке стало тихо.

Санина минутка длится минимум пять. Зная это, я сам пошел в ванную и решил освежить голову. Как-то не по себе мне стало от мысли о конце света. Холодная вода быстро привела меня в чувство. Через минутку и Новиков вернулся к трубке.

– Ну, что там у тебя? – буркнул он.

– Что ты думаешь о календаре мая?

– Фигня все это. Никакого конца света не будет!

– Ну вот и ты тоже.

– Что я тоже? – не понял Новиков.

– Тебе хорошо, у тебя день рождения в июле. А у меня 21 декабря!

– Да хоть третьего октября! При чем тут день рождения?

– Да при том, что, будь у тебя днюха 21-го декабря, ты бы тоже сейчас напрягся.

– Хм, – только и ответил он.

– Понял, да? – не унимался я. – Я прямо чувствую, как вселенная хочет мне сподянуть. Рассчитываешь на вечеринку? А фиг тебе, вот тебе потоп, или землетрясение, или пожар, или метеорит, или еще что. Веселись на здоровье!

– Да ладно тебе грузиться.

– Хорошо тебе, июльскому.

– Говорю же, не будет ничего такого!

– Зуб даешь?

Он подумал немного.

– Нет. Не даю.

– Вот видишь! Тебе зуба жалко. А что мне тогда делать?

– Да ничего не делай! То же, что и все.

– Вот! Вот! – вскрикнул я.

– Что вот?

– Вот тема!

– Че-то я не въезжаю, – пожаловался Новиков.

– Помнишь про мою полку?

– Опять про «Оскар», что ли?

– Про Канны. Дело не в этом. Я вдруг понял, что если миру каюк, то нельзя вот просто так сидеть и говорить: «Да-а-а, миру трындец» – или так же спокойно отвечать: «Да нет, какой трындец? Никакого трындеца нет». Нужно что-то делать!

– И что ты хочешь делать?

– Я сниму фильм. Фильм про это все. Про людей, которые живут и гадают, последний это их год или нет.

– А если последний, то на фига им твой фильм? Кто его смотреть будет?

– Как кто? Я отправлю его в Канны. Мне дадут премию. Пусть я подохну, но лучше, если это произойдет с «Пальмовой ветвью» на моей полке, чем с мыслью: «На этой полке могла стоять „Пальмовая ветвь“ и смотрелась бы великолепно».

– Ты придурок.

– А я хотел взять тебя в помрежи.

– Хм.

Видимо, должность помрежа его привлекла.

– Ладно, давай до вечера отложим. Меня вырубают. Как проснусь, я звякну.

– Слабак! – сказал я и повесил трубку.

Интернет – это, конечно, болото. И я не особо люблю в нем лазить, потому что там тоже нужно до фига читать, но, с другой стороны, без него хрен обойдешься. Особенно, если ты такой неудачник, как я. Все фрилансеры – неудачники.

А я, к великому моему сожалению, фрилансер. Это вообще жуть. Угораздило меня родиться в России и стать фрилансером. Как еще можно назвать людей, которые получают по 5 рублей за отзыв, по 30-40 за статью и столько же за полчаса тыкания на кнопки, отвечая на тупейшие вопросы: «Пьете ли вы квас зимой? Готовы ли вы покупать сигареты по такой цене или вы считаете ее заниженной? На какой иномарке вы ездите?» Если бы я ездил на иномарке, с какого перепуга я стал бы просиживать часами перед монитором за ваши жалкие сорок рублей? Что-то я с трудом представляю Романа Абрамовича, участвующего в вашем соцопросе. К счастью, у меня немного иной профиль работы. Я вроде как дизайнер. Вроде как, потому что ни черта этому не учился. Просто с детства неплохо рисую, вот и подрабатываю: кому иллюстрации замучу, кому логотип накорябаю, кому дизайн обложки зафигачу. На Гоа, конечно, с моими гонорарами не слетаешь, но в целом крутиться можно. Если перевести на язык соцопроса, отношусь к категории: «денег хватает на еду и мелкие расходы, но я не могу позволить себе покупку новой бытовой техники». Но так мало кто пишет. Потому что в следующий раз тебе вообще ничего не пришлют, а это значит – все, конец, ты же не сможешь прожить без их спасительных сорока рублей за 15-20 минут твоего драгоценного времени.

Мне нужно было придумать логотип для какой-то строительной фирмы, но я, как всегда, не торопился браться за карандаш. Это самое величайшее преимущество работы на

дому. Будь я в офисе, с меня бы три шкуры драли. А тут никто не видит. Беру заказ со сроком в три дня, за полчаса его выполняю, а потом делаю что хочу, затем прошу пару дополнительных часов, мол, невероятно сложно, я голову себе сломал, и что-то в этом духе. И верят. Станиславский бы не поверил. А тут как миленькие. А в офисе не прокатит. Теперь сами видите, что интернет хоть и вселенское зло, но и пользу немалую приносит. Я уж не говорю о видео, которого там просто завалиться. Вот я и залез в поисковик, набрал там «2012 конец света» и стал изучать этот вопрос более досконально.

Через час у меня опухла голова. Многие, такие как Новиков, утверждали, что можно расслабиться и жить в свое удовольствие, потому как все предсказания, календари и прочее – чушь несусветная. Если и будет глобальная катастрофа, то явно не в ближайшие пару тысяч лет, а это значит, что, во-первых, нас к тому времени не будет, а во-вторых, наши потомки будут уже вовсю гонять по галактике, как в «Звездных войнах» или «Пятом элементе». Это, можно сказать, неисправимые оптимисты. Люди же более склонные к меланхолии и ученые-реалисты не отрицают того, что в любой момент может произойти сдвиг земной коры или растают все снега Арктики, и тогда миру придется ой как несладко. Надеюсь, вы понимаете, что выражение «ой как несладко» является самым мягким из того, что на самом деле нас ожидает. К тому же эти самые ученые говорят о том, что уже

сейчас все чаще и чаще случаются наводнения, землетрясения, извержения, это все неспроста, и только откровенный полудурок может это отрицать.

Вот же угораздило родиться в России, стать фрилансером и жить в возможно последнюю эпоху планеты Земля. Я твердо решил, что фильму быть. И в следующую секунду зазвонил телефон.

– Новиков?

– Папа Римский, – ответили на том конце провода.

– Корсаков? – зачем-то спросил я.

– Водку, что ли, глушишь?

– Нет. Пиво.

Я понял, что голос звонившего мне незнаком.

– А вы кто?

– Новиков. А Костю можно?

– Тут нет никакого Кости.

– Извините, ошибся, – сказал голос, и в трубке запели короткие гудки.

Не знал, что фамилия Новиков такая популярная. Хотя чего удивляться, это же не Бюль-Бюль Оглы. И потом у Новикова же есть родственники. Это мог быть один из них. Или даже так: возможно, когда-то давно прародитель Новиковых был настолько плодовитый, что наплодил целую армию всевозможных маленьких кричащих и писающих Новиковых. Прямо бык-осеменитель. Но главное, что теперь все Новиковы – родственники, в отличие от Ивановых, Сидоровых, Пав-

ловых и прочих, имеющих целый мешок однофамильцев.

Короче говоря, я не знал, чем себя занять. Вот мой мозг и воспалился и начал выдавать эти дурацкие мысли на тему Новиковых. Нашел о чем думать, тут конец света, а он...

Кстати, почему конец света? Он что, самый главный у нас? Солнцу-то ничего не будет, значит, и свету ничего не грозит. Грозит планете нашей. Значит, конец Земли. А если потоп? Планета выживет. А люди нет. Значит, конец людей! Но, может, кто-то и выживет. Ной же умудрился пережить потоп, так еще и тварь всю животную уберег. Так конец чего будет? Гламура? Филиппа Киркорова, Путина? Черт возьми, я запутался... Словом, будет один такой глобальный конец, но что-то тем не менее уцелеет.

И тут снова зазвонил телефон.

– У аппарата!

– У батареи, – ответил Новиков. Тот самый, мой приятель.

– Выспался?

– Типа того...

Значит, не очень, но и по фигу, скоро все будем спать долго, очень долго, возможно, даже вечно.

– Что там с помрежем?

– Ага, все-таки поверил в апокалипсис? – обрадовался я.

– Ни фига. Просто слово прикольное.

– Что в нем прикольного?

– Не знаю. Просто прикольное.

– Угу. Похоже на «помрешь»!

– Иди ты! – разозлился товарищ. – Юмор у тебя какой-то черный.

– Долбанный расист. Не черный, а афроамериканский. Вот только приедь в Африку, там тебя вмиг сожрут наши африканские товарищи и будут абсолютно правы.

– Сам ты расист. Либо разговариваем нормально, либо иди в пень!

В пень мне не очень-то хотелось. Пришлось согласиться на нормальный разговор, хотя с воспаленным мозгом это было не так-то просто.

– Ладно. Слушай, вот что я решил. С завтрашнего дня снимаем фильм. Это будет настоящая бомба, нереальный хит, Ларсу фон Триеру и не снилось с его «Меланхолией».

– Отличный план, – одобрил Новиков, – когда это ты успел написать сценарий?

– Сценарий? Какой сценарий?

– Фильма, дебил.

– Фильма «Дебил»? Я не знаю такого фильма.

– О боже...

– Не понял, а зачем мне сценарий? – спросил я чуть погодя.

– А кино ты как собираешься снимать?

– На камеру.

– А-а-а-а.

– А сценарий на фиг не нужен. Кто сейчас снимает по сценариям?

– Вообще-то все, – возразил Саня.

– Вот у них говно всякое и выходит, а мы не все. Мы снимем настоящий фильм.

– Амбициозно!

– Ты давай не подкалывай, лучше скажи, ты в деле или нет?

– Конечно я в деле! Всегда хотел кино заниматься.

Какие все киноманы, оказывается, куда ни плюнь, всюду кинорежиссеры ходят! Конечно, камеру держать – не мешки ворочать, можно и помечтать о кинокарьере. Вот сниму свой шедевр и никогда больше не буду делать кино. Надо быть brutальным, как Рой Андерссон, его темпами он так и не представит миру свой пятый фильм, а жаль.

Но что-то я отвлекся. Речь же не о моей brutальности, а о грядущем конце чего-то.

Поболтав еще немного с Новиковым, мы договорились встретиться завтра и пойти за камерой к Сереге Заикину – нашему общему товарищу.

Разговор был закончен, я сделал первый шаг к фильму, и нужно было садиться выполнять заказ, а мне жутко не хотелось этого. Еще бы, все мысли были о предстоящем дне, я уже видел себя в нелепом наряде а-ля режиссер, бегающим по улице с горящими глазами и донимающим несчастных прохожих своими нелепыми вопросами: «Что ждать от конца света?», «В чем смысл жизни?» и «Будет ли вам в небытии не хватать брэнности бытия?» В моем представлении

все складывалось замечательно, и я постоянно кричал: «Гениально!», «Отличный кадр», «Еще один дубль», «Снято». Красота! А тут какой-то жалкий логотип для никому не известной строительной фирмы. Суровая правда жизни.

Промучившись полтора часа, я родил что-то нелепое, нагло напоминающее совковый серп и молот, только в современной обработке. Шуроповерт и рулетка. Мне не очень нравилось то, что получилось, но я давно заметил: чем больше ты доволен своей работой, тем сильнее ее критикуют и заставляют переделывать, и наоборот, чем большее чувство стыда охватывает тебя за твой труд, тем меньше проблем возникает с его одобрением у заказчика. Будь на одном уровне с работодателем, не выпендривайся, и будет тебе счастье. А для себя делай как угодно. Вот еще одна умная мысль, рожденная моим не самым огромным на свете умом. Неплохо, да?

На этот раз я тоже не стал грузиться. Ну, фигня и фигня, лишь бы заплатили.

Отправив логотип на почту заказчика, я вернулся к просмотру видео и передач о грядущем апокалипсисе. Ученые с умным видом рассказывали о том, что может ожидать нашу планету, использовали какие-то сложные термины, показывали непонятные графики и все как один твердили, что выжить не удастся никому. Нет, чтобы вы поняли, что это на самом деле означает, писать нужно исключительно так: НИКОМУ – и говорить отрывисто, многозначительно и по сло-

гам: НИ-КО-МУ.

Священники же, наоборот, утверждали, что календари майя и прочие пророчества – это чушь несусветная, верить нужно Библии, а в ней точной даты апокалипсиса и второго пришествия Христа нет и быть не может по одной простой причине: одному Богу известно, когда он придет и будет судить правых и неправых. Мажутся, конечно. Хотя их понять можно, они люди подневольные, им спорить с Библией не положено. Уверен, что минимум парочка из них труханула при мысли о 21 декабря, но признаваться им, разумеется, нельзя.

Скоро мне все это надоело. Я направился к холодильнику, вынул из него последнее пиво и отметил про себя, что оно было вообще последним, что лежало в моей старом несчастном холодильнике.

«Ерунда, – успокоил я себя, – художник должен быть голодным». А я теперь художник, на! И выпил залпом всю бутылку.

Затрезвонил телефон. Ну кто там еще?

Звонил Новиков. Можно было бы и догадаться. Он теперь завелся больше меня.

– Чего тебе? – пробурчал я.

– Санчас, я тут подумал.

– Ты че, Платон что ли?

– Какой Платон?

– Философ, блин.

– А, нет, я не философ, – ответил Новиков.

– Вот и не фиг думать!

– Ты че злой-то такой?

– Да так. Жрать нечего. В холодильникемышь повесилась.

– Ну так сожримышь! – пошутил товарищ.

– Ха-ха! Щас кипятком буду писаться.

– А в кипяткемышку сваришь, вот тебе и суп, – продолжал жечь Новиков.

– Да ты сегодня в ударе, Николай Валуев.

– А по-моему, смешно, – возразил отжигающий.

– Мышь повесилась – это идиоматическое выражение.

– Сам ты идиот.

Помолчали.

– Ну и что ты там надумал?

– А. Так это, давай нашу студию «Сан Саныч» назовем.

– Какую студию?

– Таковую. Ну, по типу «Коламбия пикчерз» или «Ворнер бразерс». А у нас будет «Сан Саныч пикчерз».

– Нет у нас никакой студии и не будет! «Сан Саныч Пикчерз», блин.

– Ну, – расстроился Новиков, – без студии неинтересно. Я, блин, старался, название придумывал.

– Вот и зря старался. И название фиговенькое.

– Ниче не фиговенькое. Ты – Санчас, я – Санчас, вот тебе и Сан Саныч.

– Сан Саныч, вали спать!

– А студия?

– Завтра все обсудим, – сказал я и повесил трубку.

Ну Новиков, ну тип! Еще днем дрых себе спокойно и ни о чем не мечтал, а теперь уже придумывает название для нашей студии и рвется снимать чуть ли не активнее меня. Того и гляди он спихнет меня с должности режиссера и глазом не моргнет на вручении премии в Каннах. Будет заливать, что десять лет вынашивал идею своего фильма, что было невероятно трудно, но он со всем справился, поблагодарит маму и папу за то, что создали его и не утратили в него веру, и уйдет с «Пальмовой ветвью» под бурные аплодисменты зрителей и кинокритиков. А ведь это была моя мечта.

Повезло тебе, Сашенька! Родился в России, живешь с пустым холодильником, да еще и друг норовит лишить тебя мечты. Вот и верь после этого людям. Нужно что-то делать с активностью товарища.

С такой не особо радостной мыслью я лег и тут же заснул.

Утром мы встретились с Новиковым. Хотя утро – понятие относительное. Для нормальных людей уже давно началась вторая половина дня, а для нас с Новиковым шел лишь второй час от пробуждения. Саня был сильно взволнован.

– Здорово! – он прямо трясся от нетерпения.

– Здоров, – холодно поприветствовал его я.

– Я подумал...

– Опять подумал? – удивился я.

– Не язви. В общем, я решил, что «Сан Саныч», действи-

тельно, отстойное название.

– Первая разумная мысль за двадцать с лишним лет! – восхитился я.

– Иди ты! Короче, тебе же нравятся фильмы про зомбаков?

– Ну не то чтобы прям до жути, но нравятся.

– Мне тоже. Вот и давай назовемся «Зомби пикчерз».

Я хотел сказать товарищу, что он кретин, но это не избавило бы от его приставучести, поэтому я посмотрел в его глаза и кивнул в знак согласия.

– Давай.

Новиков был очень рад.

И вот мы пришли к Заикину.

Сергея, как и большинство моих товарищей, не был мажором, хипстером или гламурным подонком. Обычный пацан с района.

Учился в технаре на технолога. Ну как учился – прогуливал все, что только можно, и нет ничего удивительного в том, что уже весной его загребли в армейку. Сергей не возражал, у него и мысли не возникло косить или ныкаться. Через три месяца он прислал фотку из учебки. На снимке он стоял среди своих боевых товарищей и казался вполне себе довольным человеком. Но вот потом произошло что-то, о чем Сергей никогда не рассказывал. Это что-то изменило его. После дембеля он потерял интерес ко всему, что есть на нашей нефигово такой большой планете.

Сергея пытался устроиться на работу, пытался замутить с девчонкой, пытался даже подсесть на наркоту, но все это ему быстро надоело. Мамашау товарища дикая. Она не собиралась мириться с его депрессухой и выперла товарища из дома. Серега даже не расстроился, настолько ему было по фигу.

Друзья для того и нужны, чтобы можно было у них перекантоваться. Вот Серега и торчал у Антохи Дашевского. Того тоже одолевали депрессии. И вот однажды они смотрели футбол (играли «мясо» и «кони») и поспорили на сотыгу. Антоха поставил на «коней», а Серега – на «мясо» и выиграл. И тут ему пришла в голову идея: сыграть на тотализаторе, так сказать, попробовать свои силы. Он и попробовал – и снова выиграл.

Так и понеслось у человека. Он занял у Антохи косарь, еще косарь у Новикова, два у меня и треху у мамыши. После того как Серега свалил, матрена стала мягче и без напрягов тусанула ему бабло. Это я тоже заметил: стоит тебе откуда-нибудь свалить и пропасть на какое-то время, тебя все резко начинают любить и даже прощают косяки, какими бы мощными они ни были.

В общем, Серега собрал эти семь косарей и понес в букмекерскую контору. Пипец мне было бы очково, но Серега не я, он рискнул и не проиграл. С семи косарей он поднял еще четыре. Новичкам типа везет. А ему фартило по полной. Вскоре он уже съехал на съемную хату и греб в месяц как менеджер среднего звена, при том, что ни черта не работал

и имел столько свободного времени, сколько тем же самым менеджерам и не снилось.

Я откровенно завидовал товарищу. О такой жизни можно только мечтать. Но, после того, как я продул несколько, как казалось, стопроцентных ставок, понял, что такой вид заработка далеко не для всех. Типа то, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Кто-то умный сказал, а я повторяю.

Сергея же вернул себе интерес к жизни и покупал, как ненормальный, телефоны, ноутбуки, айподы, игровые приставки и прочие продукты технического прогресса. Среди них была и камера, которую мы с Новиковым собирались одолжить.

Но все не так просто. Жизнь – она полосатая, знаете ли. Как тюремная роба или как матрас. Однажды везение улетучилось, и Сергей начал продувать ставку за ставкой. Облом за обломом. Как будто прокляли его. Он не мог понять, что происходит, и с отчаянием делал все новые и новые ставки. Но каждый раз итог был одинаковым. Проигрыш. И еще один, и еще, и еще, и еще много неудач. Ему бы затаиться, переждать полосу невезения, а он, бедолага, не мог остановиться. Азарт как наркотик, даже хуже. Когда выигрываешь, кажется, что это будет длиться вечно. Вот и Сергей, разбалованный удачей, просто-напросто потерял над собой контроль. Дошло до того, что он распродал все свои гаджеты по самой нелепой цене, которую только можно представить, и все равно не смог притянуть удачу на свою сторону.

К счастью, он попал в больницу. К счастью, потому что, во-первых, он не успел влезть в долги и откровенно встрять, а во-вторых, его увезли с аппендицитом, а это, считай, что на курорт попал, лежи себе да отдыхай, это не инфаркт и не язва. А от нервов могло что и покруче образоваться.

И так Серега лежал да размышлял: продавать ли ему камеру – последнюю дорогую вещь, оставшуюся в его владении. Он никогда ничего не снимал на нее, но почему-то камера была ему дорога. Может, из-за цены, может, потому что отлично смотрелась в его руке, может, еще почему – это истории неизвестно. Главное, что Серега решил не продавать камеру, а десять дней, которые он провел в больнице, пошли ему на пользу. Черная полоса отступила, и ему снова стало везти, правда, иногда, вернее, не всякий раз.

Мы стояли перед дверью. Я нажал на кнопку звонка. Раздалась раздражительная трель. Не знаю как вас, а меня эти дверные звонки жуть как бесят. Главное, звучат одинаково. У всех, кому ни позвони.

Серега не открывал. Любит он подрыхнуть почище нашего.

– Вот хлыщ! – выругался Новиков. – К нему товарищи пришли, а он дрыхнет.

– Ага! – согласился я и снова нажал на звонок, скривился, даже заткнул уши, но дверь никто не открыл. – Может, на мобилу позвонить?

– Какая мобила? – воскликнул товарищ. – Это же Заикин,

он уже сто лет без трубы ходит.

– Точняк.

– Если только уперся куда.

– Не смеши меня! – возразил уже я. – Раньше семи вечера Серега из дома не вылезает.

– Ну да. И че будем делать?

– Звонить.

Я в третий раз приложился к звонку. Тот гремел своей от-
вратительной трелью, и от этого становилось еще неприят-
нее. Вдруг дверь приоткрылась, и мы увидели товарища. Он
был в халате, с пеной на груди и ногах и с мокрыми волосами.

– Серега! – обрадовался Новиков. – Здорово! А мы дума-
ли, ты дрыхнешь.

– Моюся! – буркнул товарищ. – Неделю воды не было.
Только залез, щас, думаю, понежусь, откисать буду. Поне-
жился, блин!

– Извини, – сказал я, – мы ж не знали.

– Че приперлись-то?

– Так это, по делу.

– По делу... – проворчал Серега, – ладно, заваливайте!

Мы вошли.

– Прикольный халатик, – оценил Новиков, – где взял?

– Матрена подогнала.

Серега уселся в кресло. Пена шипела и лопалась на его
волосатой груди.

– Надо тоже будет себе такой взять! – решил Новиков.

– Так че за дело?

– Серег, будь другом, одолжи камеру.

– Не могу, – покачал головой Серега.

– Да ты че, – возмутился Саня, – мы кино хотим снимать.

Тебе че, жалко товарищам помочь?

– Мне не жалко, пацаны, я же вас уважаю, только не могу – она в ломбарде.

– Блин! – расстроился я.

Я и забыл, что с недавних пор Серега стал закладывать камеру в ломбард. Схема, конечно, рискованная, но в целом прибыльная. А деньги всегда предполагают большую долю риска.

В общем, Серега сдает камеру, получает бабло, идет в контору и делает ставочки. Выигрыш идет на то, чтобы выкупить камеру плюс остается немного бабла, на которые Серега живет: питается, платит за хату и тратит по мелочам. Если Серега продувает, то занимает у товарищей или мамыши, отыгрывается, выкупает камеру, рассчитывается с долгами, а потом снова закладывает камеру. Если же проигрывает, то снова идет к друзьям, занимает бабло и дальше по вышеописанной схеме. Правда, только однажды ему пришлось одалживаться целых три раза подряд, обычно все обходится закладыванием камеры и последующим за этим выигрышем.

– «Барса» – «Реал»! – пояснил Серега. – По-любому надо было ставить.

– На кого? – спросил Новиков.

– На «Барсу», конечно! «Реал» в этом сезоне никакующий.

И Саня с Серегой стали живо обсуждать испанский чемпионат. Новиков размахивал руками, пытаясь убедить товарища в том, что «Реал» непременно настроится как надо и выдаст лучший матч в сезоне. На что Заикин выдал надменное «ха», любой настрой «Реала» будет сокрушен мощной стеной атаки легендарных каталонцев. Пацаны завели старую песню, кто лучше: Месси или Роналду? Но каждый остался при своем мнении. Ая немного расстроился, я пытался понять, что вселенная хочет мне сказать. Ведь неспроста съемки фильма начались с трудностей. Но что это значит? Я должен на все забить, и пусть мечта остается мечтой. Или наоборот? Несмотря на любые трудности, а их, надо думать, будет еще немало, я должен быть твердым как скала и не отступать от своего решения. Вот фиг его знает. С этим надо было разобраться.

– Ну так что, – прервал мои размышления Новиков, – остаемся до вечера?

– До вечера?

– Ну да. Посмотрим матч с Серегой. Все равно раньше, чем завтра, камера нам не светит.

Только сейчас я заметил, что Заикин вернулся в ванную, и мы остались в комнате вдвоем с товарищем.

– Давай, – согласился я. Настроение у меня было паршивое.

– Тогда поперли.

– Куда?

– Ты че, в облаках витаешь, что ли? За пивом, конечно, мы же с Серегой только что обсудили это.

– А. Понятно. Я правда повитал немного.

– Чкалов.

Мы затоварились пивчанским и стали ждать начала матча.

Новиков рассказывал Сереге о нашем фильме.

– А как называется?

– Да пока хэээ. У нас даже сценария нет.

– А че так?

– Да Саня у нас типа прогрессивный режиссер, ему сценарии на фиг не нужны.

– Понятно.

– Может, хочешь к нам в команду?

– Кем?

– Ну, не знаю. Гримером там или художником. Сань, кто еще нам нужен?

– Никто, – огрызнулся я. – У нас даже камеры нет.

– Утром будет! – успокоил Заикин.

– Ну, короче, потом решим, – сказал Новиков. – Будем называться «Зомби пикчерз», как тебе?

– Прикольно! – оценил Серега. – Так, может, про зомбаков че-нить и снимем. По типу «Операции „Мертвый снег“» или «Ночь живых мертвецов».

– Почему нет? – вдохновился Саня.

– Так, стоп! – сказал я.

Нет, ну это надо? Моя мечта, мой фильм, а они уже решают, что снимать будут.

– Режиссер – я. А значит, я главный и решаю, что мы будем снимать, когда и как. И нужен или не нужен нам сценарий, тоже я решаю. И кто будет главным персонажем, и кто гримером будет, и как студия наша будет называться, и кого мы будем снимать, а кого нет, и еще...

– Да понятно, что все будешь ты решать, – перебил меня Серега. Типа ты бугор.

– Нет, типа он тиран, – пояснил Саня.

– Да ну вас в баню.

Но обидеться я не успел. Поистине пиво творит чудеса. Через час мы уже наклюкались и ржали как жеребцы. Новиков рассказывал тупые анекдоты и показывал уморительные пантомимы. Не знал даже, что товарищ такой талантливый. Под впечатлением от показа я предложил ему покривляться на премьере нашего фильма. Саня тут же вдохновился.

– А че, прикольно! Я еще фрак напрокат возьму бирюзовый, как у Джима Керри в «Тупой и еще тупее». Или у него был оранжевый?

Никто из нас не помнил, какого цвета фрак носил Джим Керри, но мы не стали грузиться по этому поводу. Куда приятней было помечтать о премьере. Мы придумали, что выйдем на сцену под музыку из «Бумера», ну ту, финальная которая; на экране будет идти видео с извержением вулкана; в зале темно, как в пещере; и вся съемочная группа будет

кричать: «Димо-о-о-о-он!» – но вместо Димона выйдет Новиков и начнет свои пантомимы. Вот такая фиготень.

Вообще это вполне по-русски: не закончив дело, начать представлять, какой фурор это дело произведет. Или так: купить лотерейный билет и за неделю до розыгрыша с точностью до последней копейки распределить свой выигрыш. Ну разве можно проиграть? Да никогда, билет же на руках. Вот и Заикин уже твердо знал, на что потратит выигрыш на тотализаторе. А мы распланировали презентацию фильма.

Нужно сказать, что матч складывался для Сереги вполне удачно. «Барса» забила первой. Заикин ликовал, глядя на Новикова, мол, съел, чувачок? Сказал же, что «Барса» на коне! Но и Саня не унывал. Он верил в «Реал», и тот не подвел. На гол Месси шикарнейшим мячом ответил (кто бы выдумали?), разумеется, Роналду. Вообще весь матч походил скорее на поединок двух футбольных звезд, нежели на битву вечно соперничающих клубов.

Мы орали как угорелые, но каждый болел за свое. Я, например, за красивый футбол. И мои ожидания вполне оправдывались.

Первый тайм так и закончился ничьей.

– Ниче, ниче, – сказал Серега, ставя на пол очередную пустую бутылку, – мы еще порвем вас как Тузик грелку. Ща Лионель наколотит вам так что мама не горюй!

– Да ни фига! – возразил Новиков. – Криштиану сегодня хорош. Он положит на лопатки вашего аргентинского вун-

деркинда.

Еще бы немного, и они подрались. К счастью, перерыв пролетел так же быстро, как выступление нашей сборной на чемпионате Европы в Польше и Украине.

– Понеслась! – подытожил Заикин и присосался к бутылке.

Забегая вперед, скажу, что тайм оказался богатым на события. Уже на 48-ой минуте, прорвав насквозь оборону соперника, Роналду ворвался в штрафную и точным ударом в левую девятку вывел королевский клуб вперед.

Сергея от злости рвал на себе волосы, зато Саня сиял, как «мерин» с конвейера. Кретин! Поражение «Барсы» лишало нас камеры. Но ему было не до того. Новиков пытался придумать, как бы оригинальнее поглумиться над товарищем. По выражению лица было видно, как усиленно работает его мозг. Но поглумиться у Сани не получилось – уже в следующей атаке Иньеста вывел Месси один на один с вратарем «Реала». А Лионель, как известно, такие шансы не упускает.

На табло красовался счет 2:2, и игра пошла, как говорится, на встречных курсах. Жарко было в штрафных то одной, то другой команды. Пацаны нервничали, я, признаться, тоже. Но мяч, как заколдованный, не хотел больше влетать в сетку. То вратари совершали удивительные сейвы, то напы откровенно лажали с ударами.

И вдруг «Барса» забила. Серега вскинул победно руки и начал отплясывать, как Медведев в ютубе. Но линейный (вот

ведь гаденьш) углядел офсайд, и главный не стал указывать на центр поля. Реакция товарища тянула минимум на миллион просмотров. Его лицо вытянулось и стало похожим на маску маньяка из «Крика». Каким-то чудом он сдержался, чтобы не запустить пивчанским в экран старенького хозяйского телевизора. Вместо этого он стал садиться, но промахнулся мимо дивана и повалился на пол.

Игра продолжалась, и нервов, как и времени до конца матча, оставалось все меньше. На 83-й минуте за грубый подкат сзади с поля удалили Пике, и «Реал» получил реальную возможность засандалить круглого в ворота каталонцев с опаснейшего штрафного. Самое страшное, что замен к тому времени уже не осталось, и выпустить еще одного защитника не было возможности.

Сергея и Саня отчаянно крестились. Выглядело это ржачно. Но думаю, что в тот момент не один миллион обезумевших фанатов делал то же самое у экранов своих зомбящихся.

Да, нелегко быть Богом. С одной стороны, тебя просит куча людей: «Боже, пусть „Реал“ забьет», с другой стороны, такая же куча народу умоляет: «Господь, пусть „Реал“ промахнется». Я бы сразу уволился. Всем не угодишь, а значит, всегда будут недовольные, которые будут выносить мозг своими причитаниями и укорами. На фиг надо.

В общем, Бог решил угодить любителям «Барселоны». Может, их просто больше, а может, он сам болеет за ката-

лонцев.

Бензема угодил в перекладину, а добить никому не удалось. И тут «Барса» понеслась вперед. Словно не было никакого удаления, словно это была не 84-я минута, а всего лишь третья, словно хотели смять соперника, как тяжелейший бульдозер.

Мне даже стало жалко «Реал». Но как ни наседали «Барселона», хет-трику Месси не суждено было состояться. Финальный свисток судьи зафиксировал на Камп Ноу боевую ничью.

– Пипец! – только и смог выдавить из себя я.

– И че теперь делать? Ты много поставил-то? – До Сани неожиданно дошел весь трагизм ситуации.

– Не смертельно, – ответил Серега. – Завтра у меня еще две ставочки сыграют, и все будет в шоколаде.

– А с камерой че?

– Че? Послезавтра бабки получу, и выкупим.

– Послезавтра?

– Долго, что ли?

– Ну, да. У нас как бы каждая минута на счету.

– Че, правда? – удивился Саня.

– Вообще-то да. Вот шибанет конец света, а мы ни черта не успеем, и моя полка, не дождавшись «Пальмовой ветви», будет пипец как зла на меня.

– Раз так, то дело серьезное, – согласился Серега. – Надо по этому поводу выпить, залить, так сказать, горечь пораже-

ния.

И каким-то чудесным образом в руках у товарища оказалась бутылка армянского коньяка. Мы не возражали, горечь, действительно, нужно было залить.

Когда на дне оставались последние капли, Серега вскочил на ноги.

– Пора! – загадочно произнес он.

– Куда? – я был, мягко говоря, удивлен.

– За камерой.

Я взглянул на часы. Полвторого ночи.

– За камерой?

– Ну вам же срочно надо?

– Срочно, – подтвердил я.

– Вот и пойдем.

Мы с Новиковым переглянулись и пожали плечами. А Серега уже был в подъезде. Как втемяшит че в голову фиг потом выбьешь.

– Я ничего не понимаю, – признался я, заходя в лифт.

– Да че тут понимать? Пойдем, вскроем ломбард и заберем камеру.

– Нормально, – оценил Новиков, – только ж это типа незаконно. Кража со взломом. – Хоть и подшофе, но закон чтит. Такой он, Саня.

– Че, debil? – возмутился Заикин. – Какая кража? Камера же моя. Просто возьмем ее пораньше, а бабки я потом вкину.

– А так можно? – усомнился я.

– Мне можно, – заявил Серега.

И вот мы стояли напротив ломбарда. Ночь была темной и тихой. Самое то, чтобы идти на «дело».

– И как вскрывать будем? – поинтересовался я.

– Да тут замок ваще на соплях висит. Щас я его отверткой, и все в шоколаде, – поведал нам Серега и вытащил из кармана здоровенную отвертку.

– Он ее че, всегда в кармане носит? – шепотом спросил меня Саня.

– Не знаю. Может, он долбаный фокусник. Амаяк Акопян, – так же шепотом ответил я.

– Давно хотел его вскрыть, – поделился товарищ. – Фиг ли он на замке экономит, жмотяра, вот и накажем его.

– Угу, – согласился я, – санитары леса.

– Вы, это, на шухер, что ли, встаньте! – вспомнил Серега.

– На фига? Темно же, кто нас увидит? – В этом весь Саня.

– Вот ты и пойдешь! – заключил Серега и, дождавшись, когда Новиков уйдет, ковырнул замок отверткой. Тот дался без проблем.

– Всего и делов-то! – улыбнулся товарищ. – Говорил же – все будет в шоколаде.

Заикин открыл дверь, и в ту же секунду заревела сирена сигнализации.

– Вот хитрожопый! – выругался товарищ и рванул внутрь за камерой.

Я не пошел за ним. Я уже говорил, что ненавижу всевоз-

можные звонки. Сирена же вообще меня из себя вывела. Я заткнул уши и стал гудеть, чтобы перебить эти долбанные завывания.

Не знаю, сколько прошло времени, мне казалось, что целая вечность, но Серега не появлялся. Зато прибежал Саня.

– А-а-а-а, пипец! – орал он. – Где Серега? Палево же.

Я не успел ему ответить. На улицу повалил народ. Кричали мужики, кричали тетки, кричали дети, кричал испуганный Саня, кричал я, редела сигнализация и присоединившаяся к ней сирена полицейского пазика. Просто хор Турецкого какой-то.

– Рвем когти!

Я схватил Саню, и мы выдали с ним такой спринт, которому позавидовал бы любой профессиональный бегун. И, нужно сказать, учесали мы вовремя, потому что уже через секунду двери ломбарда окружили разъяренные местные аборигены.

– Держи вора, держи вора! – голосил чей-то насыщенный бас.

Просто удивительно, откуда у людей такая социальная сознательность? Они, может быть, единственные люди на планете, которым не по фигу, что по соседству ревет сигнализация. И надо же было нарваться именно на таких неравнодушных людей.

– Пропал Серега, – прервал мои размышления Новиков. Он был не хило так расстроен.

– Угу, – согласился я и понял, что уже трезв как стеклышко. Произойди это десятью минутами ранее, и трагедии можно было бы избежать. Я бы четко понимал, что вся эта идея со вскрытием ломбарда не что иное, как пьяные бредни Заикина, и в два счета отговорил бы его. Но как бы это банально ни звучало: прошлого не вернуть, мы имели то, что имели, а ранее, обстоятельства имели нас по полной.

Мы проснулись рано. Новиков ночевал у меня. Он смотрел перед собой и не решался нарушать тишину.

– Может, он все-таки спасся? – наконец произнес Саня.

– Каким образом?

– Ну я не знаю. В окно там выпрыгнул или, может, люк какой-нибудь нашел.

– Какой?

– Ну мало ли? Люк или подземный ход.

– Хорош гнать, Саня. Будь реалистом. Если бы Серега свалил, он бы сто раз дал о себе знать, а раз нет вестей, значит, нет и Сереги.

– Как нет? – испугался товарищ. – Они его того, что ли?

– Угу. На кол посадили и уши отрезали. Тебе не пора на работу?

– Пора.

И Саня ушел в супермаркет. Я смотрел на пустую полку и размышлял. Мне хотелось понять, что не так мы сделали, что вселенная повернулась к нам пятой точкой (если у нее, конечно, есть такая точка). Может, не стоило обращаться к

Сане? Мечта все-таки моя, и, значит, я сам должен осуществить ее. Только такой вариант не катит. Кино – дело коллективное, и в одиночку тут никак не управиться. Ну разве что есть такие извращенцы, которые сами и сценарий пишут, и режиссируют, и себя снимают, как актеры и операторы, но это вообще какие-то ненормальные. Они потом сами и смотрят свои фильмы в одиночестве.

Может, все-таки неправильная мечта? Но это тоже бред. Как мечта может быть неправильной? Это же не ответ на задачу. И мне казалось, что если я найду ответ на свою задачу, то все пойдет как по маслу. Но ответ не находился. Я же не каждый день берусь за дела такого рода. А тут по-любому опыт нужен.

Промучившись напрасно с полчаса, я решил выйти в сеть и поискать инфу там. Как говорится, хочешь все знать, стань гуглом. Но гугл, зараза, решительно не хотел удовлетворять мое любопытство. Вот же блин!

Зато порадовал почтовый ящик. Пришло пять писем. Два – чертов спам (спамеры, будьте вы прокляты!); в третьем был ответ строительной фирмы: моя работа их вполне устроила; и последние два оказались новыми заказами.

Чтобы не грузить мозг разбором неудач, я сел выполнять заказы. Первый меня не впечатлил, а вот второй был что надо. Какой-то вполне себе успешный бизнесмен решил, что для мегакрутости ему не хватает семейного герба и вот просил создать что-то до жути креативное, так чтобы все его

дружки-олигархи пооткрывали рты от зависти. Самое приятное, что за герб он обещал отбашлять пятнадцать косарей, а это, сами понимаете, бабки серьезные. Только я нарисовал щит, как зазвонил телефон.

– На проводе.

– Включи ящик! – прокричал Новиков, и в трубке запели короткие гудки.

Я включил. По первому каналу показывали какой-то дебильный сериал (они там все дебильные), по второму – суд, по третьему тоже суд, и по четвертому суд, по пятому – «Дом-2», по шестому – снова суд. Новиков прикалывался, что ли? Решил, гаденыш, что я любитель этих ублюдских судов? И так, блин, мозг взрывался.

Но следующий канал оказался нужным. Понять это было несложно. С экрана телевизора на меня смотрел Серега. Выглядел он, мягко говоря, хреново. Картавый голос ведущей местного телевидения рассказывал:

– Задержанный отказался давать показания. Сразу после выписки из больницы он предстанет перед судом.

«Че за выписка из больницы? Че он там забыл?» – не мог въехать. Но следующее интервью все разъяснило. Хозяин ломбарда рассказал, что за последние полгода это была уже третья попытка ограбить его ломбард. Если первые две застали его врасплох, то к третьей он уже подготовился и, помимо сигнализации, установил капкан, в который Серега, видимо, и угодил.

Вот почему он не выбежал обратно. А то, что он отказался давать показания – это хорошо, значит, про нас с Новиковым никто не проведает, если, конечно, Серегу не станут проверять на детекторе лжи. Не очень-то хотелось угодить за решетку. Тогда не то что Канны, конец света не светит встретить по-человечески.

Снова зазвонил телефон.

– Видел?

– Угу.

– Пипец, да?

– Да.

– Сказали, что ему вообще жестко досталось. Капкан, мол, сухожилия к чертям порвал.

– Жесть.

– Ну ладно, мне работать пора.

И Саня бросил трубку. Настроение стало хуже некуда. Я тоже решил вернуться к заказу, но мысли все были о Сереге. Получается, мы здорово его подставили. Он же из-за нас полез в этот шлюшный ломбард. Только мы на свободе и даже работаем как ни в чем не бывало, а ему грозит срок и ногу раскурочило к чертям собачьим. И главное – камеру так и не достали.

Вот блин! Угораздило же родиться в России, решить снять кино, облажаться и подставить друга.

Телефон. Да сколько можно уже? Снова Новиков.

– Сань, по поводу камеры.

– Ну что там еще?

– Я тут подумал...

– Похвально.

– Короче, давай напишем объявление.

– Какое?

– Ну, что мы хотим сделать суперфильм, нужен оператор со своей камерой.

– Ты думаешь, в нашем мухосранске куча операторов, которые мечтают поделиться с нами своей драгоценной камерой?

– А че, нет? Есть же энтузиасты.

Энтузиасты! Слово-то какое вспомнил!

– Ну хэээ. Хочешь, напиши.

– Ништяк! Ща накатаю и прям у нас на дверях повешу.

Супермаркет не налоговая, тут куча народу трется.

Опять эта его инициативность.

– Угу, – закончил я разговор.

Прошло два дня.

На объявление никто не откликнулся. Напротив, его постоянно срывали. В любом подъезде найдется такая сварливая бабушка, которая ненавидит всех, в особенности людей, вешающих объявления. Вот и ходит, и чуть увидит какое объявление – дерг, и будто и не было его. Но супермаркет не подъезд, тут бабушкам никто не даст командовать. Значит, это не они. Или, может, завелась одна такая магазинная старушка?

Новиков писал все новые объявления, не жалел клея, так чтобы только со стеной оторвать можно было, но и это не спасало. Каждые два-три часа объявления исчезали. Он пытался проследить, но из Сани следопыт как из коня лифтер.

В общем, я решил на это забить и продолжал рисовать герб. Получалось неплохо. Фамилия заказчика – Варанов, вот я и прорисовывал такого суперкрутого варана с разинутой пастью и гламурной короной на голове. Ему точно должно понравиться.

Сергея лежал в больнице. Мы пытались проведать его. Но нас не пустили, сказали, что часы приема закончились да и вообще к нему абы кого не пропустят.

Это тяготило меня, я даже хотел уже отказаться от идеи с кино и тихо-мирно дожидаться апокалипсиса. Но следующий день принес нам приятное известие.

К нам пришел Марк. Марк – это невысокий такой паренек, субтильный и бородатый. Он стоял перед нами и без конца поправлял капюшон толстовки, привычка у него такая, но мы еще не знали этого.

– Вы, что ли, камеру ищите? – спросил он.

– Да, мы! – обрадовался Новиков.

– Меня Марк зовут, – он протянул руку. Поздоровались.

– У тебя есть камера? – недоверчиво спросил я.

– Нет.

– Так я и думал.

– Но можно достать.

И Марк хитро улыбнулся.

– Как?

– Позаимствовать.

– Мы заимствовать ничего не будем, – испугался Саня.

– Да нет. Там все чисто. Ну, почти.

И Марк рассказал нам свой хитрый план. Он работал в магазине техники неподалеку от Саниного супермаркета. Его начальство приказало провести конкурс историй, связанных со всевозможной техникой, мол, одна из компаний выделит призы, главным из которых как раз и будет камера. Выиграть конкурс – задача трудная: победителя будет выбирать сама компания, но победа и не входила в план Марка. Его задачей было якобы найти какие-то косяки в призовой камере и отправить ее на экспертизу, где знакомый Марка, работающий в этой самой экспертизе, сделает заключение о неисправности. И тогда компания вышлет новый приз, а этот, типа не подлежащий ремонту, заберет Марк, и мы сможем начать съемки.

Непросто, конечно, но что в нашей жизни просто? Тем более в такой стране, как Россия.

– А это точно сработает? – усомнился Саня.

– А у вас есть варианты?

И Марк был прав. Никаких вариантов.

– А тебе это на фиг?

– Ну, во-первых, я люблю кино, а во-вторых, камера останется мне, причем на халяву. Халяву, как и любой русский,

Марк любил.

– Ну что, удачи! – пожелали мы Марку, и он ушел, на ходу поправляя капюшон.

– Что скажешь? – спросил я Новикова.

– А че, нормально. Можно начинать готовиться к съемкам.

Неужели? У меня внутри прям зашевелилось все. Или это просто желудок заработал? Хэээ, главное, что это и правда могло сработать. Единственное, что меня не хило так смущало, – это то, что снова нужно было преступать закон. Чтобы успокоить совесть, я решил тоже поучаствовать в конкурсе, может, я и так камеру выиграю и откажусь от приза. Было бы круто. Пацанам я не стал рассказывать, что написал историю, будет, если что, сюрприз.

На следующий день мы с Саней опять пошли в больницу. На этот раз нас пустили. Мы ехали в лифте. Саня держал авоську с апельсинами.

– А если он не любит апельсины? – сказал я.

– Ты че, Саня, двинулся? Это ж апельсины – их все любят.

– Я не люблю.

– Ну, значит, ты не все.

– Все любят водку, – резюмировал я.

– И апельсины, – не унимался Новиков.

Мы базарили эту фигню только потому, что не хотели озвучивать настоящие мысли. А они были связаны с Серегой. Мы чувствовали свою вину, и это нас типа тяготило. Да

даже не типа.

Если перевести наши мысли в диалог, то выглядел бы он так:

– Как думаешь, Серега нас не пошлет?

– Нет, конечно. Мы же его товарищи.

– Но мы же его подставили.

– Че это мы подставили? Он сам предложил вскрыть ломбард.

– Саня, Саня...

– И потом, мы же навестить его идем. Ему нужна наша поддержка и апельсины.

Но Серега нас все-таки послал. Вернее, он сделал вид, что не знает, кто мы.

Мы вошли в палату. Товарищ лежал на кровати с огромным гипсом.

– Здорово, Серег! Как ты? – спросил Новиков.

Заикин молчал.

– Серега, – негромко сказал я.

Заикин молчал.

– Серега, это мы. Хорош молчать!

– Кто – мы?

– Ты че, прикалываешься? – Новиков чуть не впал в ступор.

– Я хрен знает, кто вы, – продолжил Серега, – валите отсюда, мне покой нужен.

– А мы тебе апельсины принесли, – обиженно сказал Са-

ня.

– Терпеть не могу апельсины! – ответил товарищ и стал громко кричать: – Сестра! Сестра, блин!

– Валим отсюда!

Я цепанул Новикова, и мы выскочили из палаты. Офигевающий Саня крепко держал авоську с апельсинами.

– Может, ему вкололи че? Че он ваще?

– Когда мы уходили, он мне подмигнул. Значит, все нормально с ним.

– А че он тогда?

– Просто не хочет палиться и нас палить.

– Нормально, – одобрил Саня. – Серега ваще ништяковый товарищ!

– Угу, – согласился я.

И совесть снова накрыла с ног до головы.

План Марка хоть и был хитрым, но мог вполне накрыться. Чтобы к нему не подкопались, он пару раз уронил камеру, но, видимо, не рассчитал, и та реально стала глючить. Не успели мы расстроиться по этому поводу, как Марк сообщил нам о новой неприятности. Камеру отправили на экспертизу, но попала она не к товарищу Марка, а к его тупому лысому напарнику, который был настоящим троллем. Как внешне, так и внутренне. Товарищ Марка пытался договориться с этим гоблином, но тот, когда узнал, че к чему, встал в позу и начал требовать бабосы. Молчание типа золото, и все такое.

Нет, ну не прет так не прет.

К счастью, закончилось все хорошо. Товарищ Марка вспомнил, что напарник ему чем-то обязан, тот поворчал и согласился. Чем он был обязан, я не в курсе, это их собственные терки. Главное не это.

Первый и чуть ли не самый трудный шаг к большому кино и Каннскому фестивалю был сделан. «Это просто какое-то сумасшествие» – пронеслось у меня в голове, когда в руки мне попала глючащая любительская камера Sony.

– Вы же понимаете, что оператором буду я? – заявил Марк.

Мы, в общем-то, и не спорили.

– А у тебя опыт есть? – уточнил я на всякий случай.

– Конечно! – ответил наш оператор, поправляя капюшон.

– Ну, красота ваще! – улыбнулся Новиков и начал позировать.

Марк бегал вокруг него, снимал ноги, руки, лицо, даже живот Сани, потом повернулся ко мне, но я не чувствовал такой раскованности, как товарищ, поэтому тупо вышел из комнаты.

Когда вернулся обратно, Марк и Саня беседовали. Мы же теперь интеллектуалы, киношники – все интеллектуалы, поэтому и беседовали.

– Во сколько завтра встречаемся?

– Мне завтра на смену.

Марк снова поправил капюшон.

– Так, стоп! – вмешался я в диалог. – Я тут режиссер. Так что я решаю, где и когда мы встречаемся.

– Кажется, я это уже слышал, – вздохнул Саня.

– Ок. Товарищ режиссер. Так когда мы завтра встречаемся?

– Да вы че завтра? Мне работать надо будет, – заныл Новиков.

– Ну хорошо. Встречаемся послезавтра, – сказал я. – В четыре.

– Ок. Товарищ режиссер, а кого снимать будем?

– Кого?

Я задумался. Действительно, кого? Наверное, зря отказался от сценария, сейчас такого вопроса бы не возникло. Но поздно уже братья за сценарий. Нужно импровизировать.

– Фиг знает кого.

– Это не дело, – возмутился Марк. – Так мы хрен чего добьемся.

– Хорош гнать на меня! Я прогрессивный режиссер!

– А может, это, кастинг устроим? – предложил Саня.

– Кастинг?

– Ну да, щас это модно же.

– Типа погонимся за модой?

– А почему нет?

– Товарищ режиссер, – поддержал Саню Марк, – это единственный выход.

– Фиг с вами. Напишешь? – обратился я Новикову.

Тот кивнул.

В отличие от объявления с камерой, на кастинг откликнулась куча народу. Не знал, что у нас так много актеров. Прямо не мухосранск, а целое актерское агентство. Саня записывал без разбора и молодых, и старых, и даже одного в инвалидном кресле. Набралось шестьдесят три человека.

– Нормально! – рассказывал мне Новиков. – Офигенное кино забубеним, там и девахи путевые были. У нас же должна быть симпотная актриса по типу Скарлетт Йоханссон.

Ну Саня, ну жук – Скарлетт Йоханссон ему подавай.

– Мне больше Джессика Альба нравится.

– Так там и Джессика Альба найдется.

– Ладно. Завтра увидим.

– В общем, готовься, режиссер.

Легко сказать – готовься. Можно подумать, я каждый день провожу кастинги. Понятно, что там актеров просят что-нибудь показать. Но что просить мне, когда я сам плохо представляю, что мы будем снимать и как. Ну, это ладно, а как понять, кто, действительно, понтовый актер, а кто бездарность полная? Пипец, трудно этим режиссерам. Я чуть голову не сломал, потом залез в интернет и смотрел видео. Блин, инет – это просто спасение человечества. Офигенный респект тому чуваку, который до такого додумался.

Три-четыре видео, и я уже был почти королем этих кастингов. Самое главное, что я понял, что нужно скинуть всю организацию на Саню. Пусть он и парится, он же помреж, а

на мне лежит ответственная функция – выбор подходящих нам актеров.

За полчаса до кастинга я давал Новикову поручения:

– Заводить будешь по одному. Даешь им задачу, а мы с Марком смотрим в объектив, кто как в кадре выглядит.

– Какую задачу? – не понял Саня. – В одну трубу вливается, а из второй выливается?

– Сань, ну ты че, кретин, что ли? Актерскую задачу.

– А-а-а-а-а. И че это за задача?

– Ну пусть этюд какой-нибудь покажут.

– Этюд?

– Ну, пусть прогноз погоды зачитывают, типа как по телеку.

– Ясно, – закивал Новиков и запел: – По телеку идет прогноз погоды, диктор всех поздравил с новым годом.

– Нутип того. И главное, всем говори: «Мы с вами свяжемся». А то какой кастинг без «мы с вами свяжемся»?

– Ну да, только разве это не режиссер говорит?

– Необязательно.

Мы сидели с Марком в креслах, мол, мы такие крутые. На самом деле в комнате просто больше не было мебели. Мы все вытащили, чтобы освободить пространство. Не знал даже, что моя комната настолько просторная, хоть сдавай свободный угол. Я повязал шарфик – решил соответствовать образу режиссера. Светило солнце. Пока еще светило. И это

самое «пока» добавляло значимости нашему кастингу.

Марк поправил капюшон, и мы начали.

Зашла девчонка, видимо, одна из оцененных Саней. Это было понятно по тому, как нагло он пялился на нее и причмокивал. Ну и вкус у товарища, он все больше и больше удивлял меня. Нет, она не уродина, но и не красавица, обычная девчонка, скуластая и с совершенно плоской грудью. Вот это самое печальное. Просто не понимаю, как можно втюриться в девчонку с нулевым размером? К тому же у нее широченные плечи, как у пловчихи (может, она и была пловчихой?), хреново смотрится. Новиков же прямо глаз оторвать не мог, наверное, у товарища проблемы. Но хватит про это.

Марк сразу направил на нее камеру.

– Представьтесь, – пафосно сказал я.

– Катюха ее зовут! – ответил Саня.

– Товарищ кастинг-директор, вы ее адвокат?

– Да нет. Я че, кастинг-директор?

Я не ответил.

– Так вы у нас?.. – обратился я снова к пловчихе.

– Катя, – еле слышно ответила девчонка.

Что спрашивать дальше, я не знал. Ну просто она сразу не особо мне понравилась, и будь она хоть трижды Гурченко или Лиза Боярская, в наш проект ей дорога закрыта. Я кивнул Новикову, мол, начинай. Тот не понял, закивал головой в ответ, мол, че надо? Тогда я стал водить рукой по воображаемой карте с прогнозом погоды.

– А-а-а-а, – хлопнул по лбу себя Саня. – Катюха!

Пловчиха испуганно вздрогнула.

– Актерская задача такая, – продолжал кастинг-директор, – представь, что ты ведешь по телеку прогноз погоды. Представила?

Катюха напряглась. Она моргала, переводя взгляд с Сани на Марка, с Марка на меня, а с меня снова на Саню, и молчала.

– Ну и? – не выдержал Новиков.

– Сейчас, – пролепетала пловчиха и вдруг рванулась вперед, заметалась по комнате и наконец вылетела пулей за дверь.

Мы переглянулись и дружно пожали плечами.

– Мы тебе перезвоним! – вспомнив, высунулся в коридор Новиков и крикнул ей вслед.

– Че скажешь? – обратился я к Марку.

– Да че-то беспонтово в кадре смотрится.

– Мне тоже не понравилась.

– А по-моему, нормальная деваха! – возразил Саня.

– А по-моему, ты фиговый кастинг-директор!

– Че это я фиговый кастинг-директор? – обиделся товарищ.

– Не фиг прохлаждаться. Зови следующего! – И я зачеркнул единичку в списке кастингующихся.

Но в комнату снова зашла девушка. На этот раз симпатичная. Рыженькая, с веснушками. Такие мне нравятся. Са-

ня и на нее уставился, как ботан на новую энциклопедию, значит, у него, действительно, проблемы. Поставь перед ним резиновую женщину, он и ее изнасилует своим похотливым взглядом.

Рыженькая медленно намотала на палец длиннющие волосы и улыбнулась. Видимо, дома репетировала, и, видимо, неплохо репетировала, вышло чертовски сексуально. Я чуть не захлебнулся слюнями. В голове с бешеной скоростью закрутились картинки.

№ 1. Рыженькая на пляже. Она натирает кремом свои офигительные гладкие ноги, ложится на топчан, и ее упругая грудь просвечивает сквозь купальник.

№ 2. Рыженькая в душе. Тонкие струи воды падают на ее лицо и торопливо стекают по всем изгибам ее обалденного тела. Рыженькая поднимает голову и в рапиде крутит ею, огромные капли разлетаются в разные стороны с ее кудрявых волос.

№ 3. Рыженькая на автомойке. У нее обтягивающая прозрачная майка и джинсовые шортики, заканчивающиеся на уровне ягодиц. В руках губка. Рыженькая наклоняется к ведру с водой и топит в нем губку. Камера медленно поднимается по ее ногам, замирает на шортах и плавно отъезжает назад.

Так, стоп! Какая автомойка? Какая-то порнуха получается. Не у одного Новикова проблемы. Я посмотрел на Марка, он тоже лыбился, как ненормальный, того и гляди че-

люсть упадет и вывалится километровой язык, как у волчары в америкосских мультиках.

– Меня зовут Снежана! – сказала Рыженькая.

Все трое мы потянулись к ширинкам. У наших ушей была своя интерпретация ее слов: «Возьми меня!»

– Выйдите в коридор! – крикнул я.

Я хотел выгнать пацанов и остаться с Рыженькой наедине, но они не поняли этого. Зато Рыженькая приняла на свой счет.

– Чего? – скривилась она.

И ее «чего?», и неожиданно пропавшая сексапильность меня отрезвили. Я вдруг понял, что в коридор должна выйти именно она.

– Нам надо посоветоваться! – сказала и кивнул в сторону двери.

– Хм...

Рыженькая вышла в коридор, виляя задом, как «Лада-Калина» со сломанными амортизаторами. Пацаны накинулись на меня.

– Ты че, с дуба рухнул? На фига ты ее в коридор отправил?

– Тихо, пацаны! Не орите! Я тут режиссер! Я командую!

– Она в кадре смотрится круче Эйфелевой башни!

– Вот именно! Она слишком крутая!

– Так это же круто! По-любому кучу зрителей наберем.

– Да блин, как вы не понимаете? С ней только порнуху снимать! На нее смотришь, жить хочется и секса, а у нас се-

рьезное кино про то, что всем кирдык скоро.

– Так вот пусть все и порадуются перед кирдыком!

– Угу, все порадуются, только фиг нам кто «Пальмовую ветвь» с ней даст.

– Это почему?

– Да потому! Ты много красивых актрис знаешь, которым награды в Каннах дали?

– Да я вообще ни одной актрисы не знаю, которой в Каннах дали че-нибудь. Я не смотрю награждение.

– Вот и заткнись!

– А на фига нам эта пальмовая ветвь? – спросил Марк.

– У Сани мечта такая. Вон, полку видишь?

– Вижу.

– Вот он и решил, что его полка жить не сможет без этой пальмовой ветви.

– Фигасе.

– Так, все. Хорош! – вскипел я. – Я режиссер и я решаю! Она офигенная, но не для этого фильма! Ясно вам?

– Ясно... – проворчали оператор с кастинг-директором.

– Иди, скажи ей, что мы перезвоним!

– На фига?

– Саня!

– Не пойду я! Сам иди и скажи, раз такой умный.

И отвернулся, обидели, мол, его. И Марк отвернулся. Поддержал товарища. Будто мне легко отказать такой девчонке. У меня, может, никогда в жизни, то есть в последние месяцы

жизни, такой не будет, она даже смотреть в мою сторону не будет, но мечта, блин, дороже. Дороже, блин...

Я высунул голову в коридор.

– Снежана, спасибо! Мы вам перезвоним.

– Перезвоните? – завизжала Рыженькая! – Вы что, совсем охренели? Вы меня посылаете?

– Почему посылаете? Ниче не посылаем, я же сказал, мы вам перезвоним. У нас еще шестьдесят человек.

– Перезвоните вы. Знаю я ваше «мы вам перезвоним», ни фига вы не перезвоните, я, как дура, репетировала, волосы красила, прическу три часа делала, а они мне перезвонят, уроды!

И куда пропал секс? Обычная шмара, только симпатичная. Она ушла, треснув дверь так, что чуть штукатурка не посыпалась. Я вернулся в комнату. Пацаны готовы были порвать меня на британский флаг. Да уж, нелегко быть режиссером: Рыженькая меня чуть не загрызла, Новиков с Марком не хотят разговаривать, и это только лишь второй человек. Хоть отказывайся от кастинга и от фильма. Но фиг вам. Русские не сдаются.

Я решил быстрее закончить с этим делом, поэтому на ближайшие два часа моим любимым словом стало «следующий». Да это и неудивительно. Кто только к нам ни записался. Вот только актеров среди них не было. Вахтеры, продавцы-консультанты, промоутеры, сисадмины, один юрист. У большинства из них нереальнейшие проблемы с дикцией:

картавость, шепелявость, проглатывание букв, заикание – такое ощущение, что я смотрю местное телевидение, один в один вообще. Про внешность лучше не говорить.

Самое удивительное, что с каждым новым «следующий» я все больше вживался в роль режиссера. Меня прямо пробрало всего, я вдруг понял, что смогу справиться с любым фильмом, хоть с «Предстоянием 2», только дайте мне бюджет побольше да команду потолковее, не то что мои двое, дуошщиеся, как придурки. И чем сильнее меня захватывало режиссерство, тем тверже я убеждался, что кастинг пора заканчивать. Проблема в том, что мне нужны живые эмоции, а эти все деревянные, они че-то пыжатся, играют на камеру, выглядит это отвратительно.

Зашел очередной кастингующийся. В костюме, в шляпе, на руках заплатки. Худой как скелет, лет сорока. Такой типок. Он стал перешагивать через порог, зацепился ногой, начал падать. Саня бросился на помощь, но типок устоял на ногах.

– Все нормально! – сказал он. – Здравствуйте.

Типок вытянул руку и поздоровался с Саней.

– Здравствуйте, – сказал я.

Тип с вытянутой рукой зашагал ко мне. Нехотя я пожал его руку, он повернулся к Марку и со всего размаха саданул по камере. Марк не смог ее удержать. Камера полетела на пол.

Типок побледнел.

– Извините, – пролепетал он, нагнулся и поднял камеру.

Марк вырвал камеру и стал осматривать. Еще снимать не начали, а ей досталось по самые помидоры. Это было последней каплей. Больше терпеть я не мог.

– Вы нас не устраиваете!

– Что, простите? Я не понял, – типок испугался еще сильнее.

– Что тут непонятного?! – взревел я. – Вон!

С типка слетела шляпа. Он кинулся к выходу, но остановился, вернулся за шляпой.

– Извините! – поклонился он и, ударившись о косяк, выбежал из комнаты.

Я выскочил вслед за ним. В подъезде на стульях сидели «актеры». Человек десять.

– Спасибо, что пришли, кастинг окончен.

– Как окончен? – заверещала старушка в малиновом берете. – Меня что, смотреть не будут? Я третий час тут торчу. К терапевту не пошла, сижу жду, все тело ломит, спать не могу на правом боку, только на левый ложусь...

– Вот терапевту и расскажите! – перебил я ее. – Извините, но актеры найдены. Так что не тратьте ни свое, ни наше время!

Я развернулся, показывая, что не намерен продолжать диалог. Старушка еще поворчала и направилась к лифту. Остальные кастингующие были менее эмоциональными.

– Саня, – крикнул я в комнату, – помоги собрать стулья.

Саня пришел, глянул на меня, как на фрица, схватил два стула и потащил в комнату.

– Че там с камерой? – крикнул я ему вдогонку.

Он не ответил. Я тоже взял два стула и пошел следом. Марк колдовал над камерой.

– Ну что там?

– Да вроде пашет. Но, блин, коряга какой-то, а не мужик. Надо было леща ему дать. Пашет, все нормально. Руки бы ему оторвал.

Новиков принес еще пару стульев.

– И кого ты выбрал? – спросил Марк.

– Никого.

– Не понял.

– Никого. Они все фрики какие-то. Только Снежана норм. Пацаны оживились. Думали, я изменю решение. Ага, щас.

– Но Снежана слишком хороша для нашего шедевра.

– Че заладил? Ниче не слишком. Просто симпотная девчонка.

– Чересчур симпотная.

– Тиран, – возмутился Марк.

Втроем мы отправились за последней партией стульев. Вдруг открылись двери лифта, и в подъезд выкатился старикан в инвалидной коляске и уставился на нас.

– Здравсте, – улыбнулся Новиков.

– Кастинг здесь проходит?

Саня открыл было рот, но я толкнул его локтем в бок.

– Нет.

– Как не здесь?

Я развел руками. Ничего, мол, не поделаешь, не здесь и точка.

– Этажом ошибся, что ли?

– Не знаю.

– А стулья вам зачем?

– А это мы уборку делаем, мешали они нам, – помог мне Марк. – Ага, – поддакнул. – А теперь заносим. Пойдемте, пацаны!

И я подтолкнул Саню к двери, мы быстро вошли в квартиру, не дав инвалиду опомниться.

– На фига ты ему наврал? – возмутился Новиков.

– А на фиг он нам? У нас и так грустное кино, че его совсем слезливым делать?

– Вот ты вообще, товарищ режиссер, – сказал Марк, поправляя капюшон, – Снежана у тебя слишком оптимистичная, инвалид слишком пессимистический, кого мы снимать будем?

– Людей.

– Каких?

– Обычных людей. Прохожих всяких, покупателей, пассажиров.

– Пипец! – возмутился Саня. – А на фига мы тогда кастинг проводили? Инвалида вот обманули. Вдруг он узнает, обидится и будет нам мстить потом. Щас никого обижать нель-

зя, все тебя чмырить будут с толерантностью этой.

– Да ниче он не обидится. Надо было раньше приезжать, его бы без очереди пустили. Правда, я все равно снимать его не стал бы. А кастинг. Ну, во-первых, это все-таки интересно, сами же говорили, что кастинг нужен, а во-вторых, я реально себя режиссером почувствовал и понял, что мы снимать будем.

– Что?

– Что? – повторил Марк.

– А это секрет. Завтра узнаете.

– Да ну тебя в баню, – обиделся Саня. – Целый день потратили. Я домой.

– И я.

– Да ладно вам, пацаны. Давайте посидим, пивка поьем, отметим, так сказать, начало съемочного периода.

– Снежану послал, а теперь еще пить с тобой. Фиг тебе!

– Да че вы к этой рыженькой привязались? Мало, что ли, сосок на районе?

– Сам ты соска.

И ушли. Ну и дуйте, тоже мне команда. Хотя Снежана, конечно, хороша, но мечта-то важнее. И я посмотрел на полку, словно надеялся, что она подмигнет мне и скажет:

– Ты прав, Саня, мечта куда важнее рыжих сосок, давай мне «Пальмовую ветвь», заждалась уже.

Бр-р. Надо срочно выпить.

Я затоварился пивчанским, вышел на улицу и решил дер-

нуть одну бутылочку в парке. Во-первых, на природе всегда приятнее пить, во-вторых, скоро примут этот долбаный закон, и пить можно будет только дома или в барах. И так жить осталось недолго, так еще и чуть ли не последней радости лишают народ. Вконец оборзели эти люди в галстуках.

Я устроился на лавочке, огляделся по сторонам. Немноголюдно. Пара чуваков с печальным видом выгуливают собак. Видно, их девахи вытолкали – и алга. Хочешь, мол, чтобы я тебе мозг не выносила, иди с Тузиком прошвырнись, пока он нам весь половик не обдрисал. Один смешной такой – лохматый низкорослик – тащит за собой такого же лохматого пекинеса, прям как братья, оба пухлые. Реально питомцы на хозяина смахивают. Того и гляди низкорослик вместе с пекинесом своим ногу задерет у ближайшего кустика. Прям хоть бери камеру и на ютуб выкладывай.

Я открыл бутылочку, отхлебнул и стал следить за остальными прогуливающимися. Через час-полтора сюда подвзлят поцики с пивом и семками, и будет неинтересно. Будут тупо сидеть, травить тупые анекдоты, ржать и щелкать семки. Но шас самое то, чтобы понаблюдать. Вон двое бегунов. Дедок какой-то в старом спортивном костюме, еще совковым, синем таком, с буквой «Д» нашитой. Ну, вы знаете, в кино всегда показывают. На голове шапка вязаная. Бежит такой бодрячком, а самому лет семьдесят. Позади тетка лет пятидесяти. Тоже в костюме, но поновее, еле успевает за ним. Дочка, что ли? Фиг поймешь. Вдруг остановилась, тяжело ды-

шит. Дедок заметил, подбежал, кружит вокруг нее, не останавливается. Но тетке совсем поплохело, она села на лавку, дедок обеспокоенно склонился над ней, та улыбнулась, мол, все нормально, дедок тоже улыбнулся и вдруг как засосет ее, прям как кризис Грецию. По ходу это не дочка. Или у них здоровая семейка спортсменов-извращенцев. А дедок-то молодец, ничего не скажешь!

Я отхлебнул еще. Спортсмены убежали. А вот и драка! Метрах в пятидесяти от меня два бомжа устроили разборки. Хэээ, что они не поделили, но дрались не на жизнь, а на смерть. Первый повалил второго, сел на него и давай дубасить его головой об асфальт. Паренек в очках вытащил телефон и стал снимать их драку. Нет, ну что за народ? Разнять – нет, на фиг нам это надо? А вот заснять – это всегда пожалуйста. Второй беспомощно хрипел. Я не выдержал, схватил булыжник, побежал к ним.

– А ну свалили оба на хрен! – ору. – А то щас обоим бошки проломлю.

Бомжи испугались, вскочили на ноги и давай деру. Чуть ли не в обнимку щеманули. Беда типа объединяет.

Нет, ну зачто гребаный закон? Как вот потом дома колдырить? Где я такую фигню дома наблюдать буду? Это же типа жизнь. Такая, какая есть. Я посмотрел вперед. Шли трое, молодые папа, мама и пацаненок лет пяти. Дружно улыбались, держались за руки. Прямо даже приторно как-то. А вот долбанет этот конец света, и что? И бомжи, и спортсмены, и

семейка, и пекинес с хозяином – где все это будет? Печально как-то.

Домая решил еще посмотреть что-нибудь об апокалипсисе. Вдруг не будет. Вдруг не сейчас. Но видео твердили обратное. Будет обязательно. И очень скоро. Неужели меня одного это пугало? И тогда я окончательно определил формат фильма. Мы будем подходить к людям на улице и спрашивать у них четыре одинаковых вопроса.

1. Верите ли вы, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

2. Готовы ли вы к апокалипсису?

3. Что вы будете делать 21 декабря 2012 года?

4. Что самое важно для вас в этой жизни?

Затем мы выберем трех или четырех людей, они будут основными героями, и заснимем пару дней из их жизни. Что-то типа реалити, чтобы показать, чего лишатся люди после апокалипсиса, ну а в третьей части пойдем по пути Ларса фон Триера, наснимаем минут на десять кадров с пейзажами и животными. У нас тут степи, так этих пейзажей хоть жопой ешь. Наснимаем животных, птиц, в конце концов, не мы одни планету заселяем, им тоже кирдык наступит, нельзя про них забывать. Это будет трогательнее, чем людей в колясках показывать, животные вообще не знают о том, что их ждет.

Это хорошо, что у меня сложилась картинка в голове. А то точно не видать мне «Пальмовой ветви». Наснимали бы жуткую авторщину как делают наши режиссеры. Я типа ге-

ний, и вот вам мое восприятие мира. А посмотришь – бред и убожество, а не восприятие, руки отрывать надо с таким восприятием. Но теперь все будет хорошо. Теперь все получится. И хорошо, что не поддался на сексуальность Рыженькой.

С такими счастливыми мыслями я и заснул. Снился мне дедок со своей женой. Они катались на лодке, а я почему-то был их собакой. Пекинесом. Я сидел, смотрел, как дедок управляется с веслами, а тетка ему весело подмигивает. Она опустила руку в воду и брызнула на меня. Фу, блин. Мне было это чертовски неприятно. Я залаял. Но лай мой почему-то был больше похож на завывания Лепса. Потом дедок бросил весла, устал или просто надоело грести, хэээ. Он прижал к себе тетку, начал грубо лапать, та даже глаза закрыла от удовольствия. Рука дедка скользнула под юбку, и тут я открыл глаза. Как вовремя я проснулся. Черт, еще немного и пришлось бы наблюдать, как дедок начнет пялить свою молодую женушку. Я и так впечатлительный, такого бы я не выдержал.

Утро выдалось дождливым. Я лежал под одеялом и слушал, как капли бьют о стекло и подоконник. Рабочий настрой тут же раскис, как картон в луже. Вот что за? Только стоит порадоваться, как тут же раз – и обломись. Словно кто-то специально подлянит. Опять вселенная против?

– Вселенная, это ты подлянишь? – спросил я сквозь одеяло.

Гребаный риторический вопрос. Вместо ответа зазвонил

телефон.

– Алло!

– Дождь.

Звонил Марк.

– Вижу.

– Как снимать будем?

– С дождем.

– Угу. Может, все-таки Снежа...

– Никаких Снежан! – перебил я товарища. – Как договорились, в 13:40 на Пролетарской.

– Ладно.

Товарищ явно расстроился. Запал на Рыженькую. Вот не будь конца света, можно было бы только так девчонок клеить. Падкие они на славу. А тут вообще красота: приходишь такой весь на пафосе или объявление кидаешь, мол, я режиссер, снимаем кино, и все – любая с тобой пойдет, делай с ней что хочешь.

К счастью, дождь шел недолго. Из-за туч выглянуло солнце, и настроение сразу улучшилось. Я снова нацепил шарф. Буду пафосным режиссером. Пусть все видят.

Марк уже был на месте.

– А, товарищ режиссер, – сказал он, поправил капюшон и стал настраивать что-то в камере.

– Привет. Где Новиков?

– Хэзэ.

– Понятно. Ты готов?

– Готов. Камера только глючить может.

– Это я знаю.

– А где тарелочка?

– Какая тарелочка?

– Ну ты че, не в курсе?

– В курсе чего?

– Е-мое, кто у нас товарищ режиссер, я или ты?

– Хорош говорить загадками! – я действительно не мог понять, что за тарелочка и почему она должна быть именно у режиссера.

– Я думал, ты нормальный режиссер.

– Решил мстить за Снежану?

– Да при чем здесь Снежана? Перед началом съемок киношники всегда разбивают тарелочку с автографами съемочной группы и названием фильма. Традиция такая. Типа чтобы съемки удачно прошли.

– Ни фигасе. А че ты раньше не мог сказать?

– Я думал, ты знаешь, ты же «Пальмовую ветвь» хочешь, значит, типа в кино сечь должен. Я поэтому и не стал брать из дома тарелку.

– А мог бы... Я вообще не в курсах про эти киношные штучки, может, там еще че есть?

– Да вроде нет.

– А ты откуда про тарелочку знаешь?

– Так у меня дед гримером на студии Горького работал.

– Нормально.

– А! Вспомнил! – Марк снова поправил капюшон. – Если кто сценарий уронит, то он должен на него сесть и, не отрывая от задницы, встать.

– Ну, тут нам не подходит. У нас сценария нет.

– И вот это меня пипец как смущает.

– Да че такого? Я уже все придумал. Будем подходить ко всем и задавать четыре вопроса. Лучше скажи, че нам с тарелочкой делать?

– Фиг знает.

И тут позвонил Новиков.

– Алло, Саня!

– Ты где ходишь, помреж?

– Я по этому поводу. Я начасок задержусь, начинайте без меня.

– А ты не прифигел?

– Да блин, меня предки припрягли. Ща разгребу все и сразу к вам.

– Ну, ваше.

– Про тарелочку скажи, – подсказал мне Марк.

– А, да! Саня, тарелку прихвати с собой.

– Какую тарелку?

– Какую тарелку? – переспросил я.

– Да любую, – сказал Марк.

– Да любую, – повторил я.

– А. На фига?

– У киношников есть традиция, – начал я, но Саня вдруг

перебил.

– Ладно, мне пора. – И повесил трубку.

– Ну че, возьмет?

– Надеюсь. Трубку бросил.

– Ну перезвони.

Я перезвонил. Новиков не отвечал.

– Занят, наверное. Его ж припрягли.

– Ну и ладно, – махнул рукой Марк, – он же поцик толковый, притащит тарелку.

– Угу, – только и ответил я.

Пока ждали, небо снова заволокло тучами. Зашли в магаз.

– А че, может, твоего деда попросим нам помочь? Он же опытный.

– Угу, – согласился Марк. – Давай выпишем его из Москвы сюда, пусть поможет.

– А че, он в Москве?

– Нет, блин, в Урюпинске. Где у нас студия Горького?

– В Москве, что ли?

– Н-да... – покачал головой Марк и поправил капюшон.

– Че ты капюшон свой без конца дергаешь?

– Да съезжает.

– Ниче он не съезжает.

– Ну, значит, просто привычка. Раньше без конца съезжал.

– А не пробовал без капюшона ходить?

– Ты че? Как можно без капюшона ходить? Это же стайл.

Я посмотрел на этого сублильного бородатого паренька с камерой и так и не нашелся, что ему ответить. Мое внимание привлек другой тип. Огромный такой, метра за два ростом. Настоящий баскетболист. Волосы длинные и собраны в хвост, и ноги никак не меньше 47-го размера. Он залип возле полки с кукурузой. Ему было неудобно рассматривать банки, так как полка находилась чуть выше его пояса. Он брал каждую, подносил прямо к самым глазам (видимо, со зрением не все в порядке), ставил обратно, брал новую. Таким образом он прошел всю полку, но так и не смог выбрать нужную ему кукурузу. Решил исследовать нижнюю полку, для этого он сел на корточки. Голова великана смешно выглядывала из-за верхней полки, и, словно это был какой-то фокус, каждые десять секунд перед его глазами возникала верхушка новой банки. Подошла рыжая старушка. Их головы были на одном уровне, хотя великан сидел. Я толкнул локтем Марка.

– Смотри, какой кадр.

– Где?

И тут великан встал.

– А, вижу, колоритный, да.

– Давай с него начнем фильм. Включай камеру.

– Не буду.

– Это че за не буду? Давай включай, и я пойду его спрашивать.

– Спрашивай, но я снимать не буду.

– Да ты че обурел?

– Мы тарелочку не разбили. Никаких съёмок быть не может.

– Да далась тебе эта тарелочка! Тут такой кадр. Он шас свалит, где мы такого возьмем?

– Ну иди скажи ему, что хочешь его в кино снять. Саша придет, разобьем тарелочку, и снимай его хоть до самого конца света.

– Не, до конца света – это долго. Мы фильм раньше должны отснять, нам еще Канны выигрывать. Блин, кто из нас режиссер? Я тут главный, так что давай включай камеру и пошли к нему.

– Здесь все равно снимать нельзя.

– Че это нельзя?

– Без разрешения нельзя.

– Да блин, вы все сговорились, что ли? Давай купим побыстрому тарелку, расфигачим и снимем его на улице.

– Давай, только без саниной подписи тарелочка недействительна будет.

– Как это недействительна?

– Так. Нужно, чтобы вся съемочная группа расписалась.

Иначе косячное кино выйдет.

– Бред какой-то.

Пока мы спорили с Марком, великан уже выбрал кукурузу, встал, махнув гривой, и направился к кассам. Я упустил его из виду.

– Где он? Блин, это все ты!

– Да куда он денется? К кассе по-любому пойдет. Как вообще можно потерять двухметрового амбала? Это же тебе не морская свинка.

– Иди ты.

Я стоял у кассы и смотрел на великана. Черт, настоящий Шакил О’Нил, только белый. Он вытащил из футляра очки и напялил на свою огромную голову. Ну точно, видит фигово. Привет, кэп, типа.

Как только он расплатился, я бросился к нему.

– Здравствуйте!

Черт, я реально ему в пупок дышу, ну, чуть повыше.

– Здравствуйте...

Он вытаращил на меня глаза, будто я был зеленый марсианин в фиолетовых лосинах.

– Мы снимаем кино и хотели бы задать вам на камеру несколько вопросов.

– Какое кино?

– У него нет еще названия, но оно про апокалипсис.

– Никакого кино, никакого апокалипсиса, никаких вопросов! – прогремел великан. – Не трогайте меня!

Он закрыл лицо ладонью, присел и, втянув голову в плечи, побежал в полуприсяде к выходу. Ей богу, у него были километровые шаги. Выглядело это смешно, но засмеяться я не успел, я рванул за ним – да где там. Великан учесал от меня, как «феррари» от «запорожца».

– Блин! – пожаловался я Марку.

– Тарелочка, – разъяснил он.

– Да иди ты!

– Угу, вместе пошли. Саня уже на месте. Эсэмэснул.

Новиков ждал нас на месте с огромной алюминиевой кастрюлей.

– Это че? – удивился я.

– Вы же сами просили.

– Мы просили тебя тарелочку принести.

– Тарелки все грязные были. Раковина под завязку.

– Ну и на фига нам кастрюля?

– А тарелка на фига? Есть че-то будем? Или реквизит?

– Угу, реквизит. Блин, че так трудно-то все?

– Тарелку разбить надо, – разъяснил Сане Марк. – Чтобы кино понтовое вышло.

– А-а-а. А вы че тарелку не взяли?

– Я не знал.

– А я не знал, что вы не знаете.

– Вот и не фиг было говорить. Давно бы уже снимали.

– Длинного уже сняли!

– Какого длинного? Вы че тут, уже наснимали че-то без меня? Вот уроды, тоже мне товарищи!

– Ниче мы не снимали, давайте уже разобьем эту чертову тарелку. Кастрюля покатит?

– Да фиг знает! – пожал плечами Марк.

– Ее ж все равно не разобьешь.

– Конечно, не разобьешь! Она алюминиевая, – подтвер-

дил Новиков. – Меня самого потом разобьют за эту кастрюлю. Ее батя мамке на восьмое марта подарил.

Больше я не мог слушать этот бред. Я развернулся и поперся в магазин.

– Дайте тарелку! – говорю розовощекой продавщице.

– Вам глубокую или неглубокую?

– Без разницы. Давайте неглубокую.

– Неглубоких нет. Только глубокие остались.

– А это что?

– Это на витрине. С витрины не отдам. Она поколотая.

Нет, ну что за долбаный штамп? Это же не из кино продавщица. Почему она спрашивает и отвечает, как все продавщицы и официантки в кино?

– Давайте поколотую!

– Я вам поколотую продам, а вы потом жаловаться придете!

– Ниче я не приду! Мне все равно разбить надо будет.

– Да? – обрадовалась продавщица. – Сто рублей.

– За поколотую?

– А вам какая разница?

– Держите.

Она протянула неглубокую тарелку с позолоченной каймой. Свершилось, блин!

– Может, еще пиалу возьмете?

– Зачем?

– Она тоже поколота. Вам все равно бить.

– Нет, спасибо. Пиал мне не надо.

И ушел.

Товарищи стояли у входа. Новиков играл в тетрис на телефоне. Марк разглядывал в объектив свою руку.

– Тарелочка! – решил порадовать я их.

– Бей давай!

– Надо сначала написать название фильма и расписаться всем.

– Пиндец ты занудливый, Марк. Чем писать? Кровью, что ли?

– Зачем, у меня маркер есть.

И вытащил из толстовки маркер.

– Нормально! Маркер ты притащил, а тарелку взять тяжело было?

– Маркер я всегда с собой таскаю ваще-то. Че писать?

– Пиши «2112».

– Есть же уже «2012».

– Так там про год, а у нас про число и месяц.

– Есть еще и «Луна 2112».

– Ну е-мое. Тогда «Человек кусает локти».

– «Человек кусает локти»?

– Ну да. Че тебе не нравится?

– Да нет, нормальное название. Но при чем тут апокалипсис?

– При том. Че ему еще делать? Он живет и кусает локти, зная, что ему скоро трындец.

– А по-моему, я уже слышал такое название, – вмешался Новиков. – Точняк, ты же рассказывал, что смотрел «Человек кусает собаку». Фиг ли все названия переть? Надо че-то свое.

– Это называется не переть, а постмодернизм. Типа берешь то, что уже все знают, и выстебываешь.

– А на фига нам выстебывать, если у нас серьезное кино?

– Так че писать?

– Может, «Все хана»? – предложил Саня.

– Жуть, – возразил я. – С таким названием нам ни одной премии не дадут.

– Короче, так до утра можно перебирать! – вмешался Марк, поправляя капюшон. – Пишу «То, что нас ждет».

– А че, мне нравится! – одобрил Новиков.

У меня были некоторые сомнения, но, подумав, я согласился, что это не худший вариант, хотя все равно смахивает на «То, что мы потеряли». Но не хотелось расстраивать пацанов.

– Пиши.

Марк написал и расписался, передал тарелку и маркер мне, я поставил подпись и отдал маркер Новикову. Саня замутил какую-то нереальную роспись, он даже язык высунул от напряжения и размахивал рукой так, будто выфехтовывает узоры в воздухе, как Зорро.

– Все? – спросил я у Марка.

– Ага! Можно хреначить.

Мы взялись втроем и дружно долбанули тарелку о лавку. Ну все теперь, как пить дать выйдет шедевр.

– Пошли, что ли? Мне уже не терпится отснять первый кадр.

– Осколки надо собрать. Себе оставим.

– Вот же блин.

– У каждого должны быть, – не унимался Марк.

Собрали. Положили в кастрюлю. Не в руках же нести. Так и пошли.

Я смотрел по сторонам, вертел головой, как волчок на «Что? Где? Когда?», но везде были одинаковые до жути персонажи. Джинсы, кеды и пафос. Сплошные клоны, меня чуть не вырвало. Блин, неудивительно, что вселенная решила расправиться с человечеством. Кому нужен этот пафос? Особенно в нашем мухосранске. Но нет, блин, нарядаются как клоуны и ходят: джинсы спущены и висят, как будто с утра в них вместо толчка наклали, какие-то гомосяцкие рубашечки, девки в натуральных гамашах, на руке часы с такенным циферблатом, что им орехи колоть можно, темные очки и айфон. Гламурные, мать их! Без айфона никуда, главная ценность в жизни – пилатес и айфон. Ну ладно пилатес, это вроде нормальная вещь, но на фигу тебе хорошо выглядеть, если ты потом свои типа красивые ноги в гамаши эти широченные прячешь? Кто, блин, ноги эти увидит? Короче, бред. А айфон – это вообще понты долбаные. Типа мне все по бую, у меня есть айфон, завидуйте, людишки, и надо вытащить, в

руках повертеть, чтобы все видели. Типа ты с айфоном, значит, ты успешный.

А мы шли с кастрюлей и камерой. Нормальные пацаны. Только все на нас косились. Айфона-то не было. Мне стало неприятно. А тут еще Новиков подливал масла в огонь.

– Че мы ходим? Давай, – говорит, – вот эту снимем. Смотри, какая сосочка нормальная. Или вон смотри – ниче так, грудастая, и подружка у нее нормальная.

Нет, ну точно проблемы у человека.

И Марк тоже:

– А че, давай правда этих девчонок снимем. Че мы только говорим и ни фига не снимаем?

– Так, стоп! Я понимаю, что у вас спермотоксикоз, но режиссер по-прежнему я, и я решаю, к кому мы будем подходить. Нам нужны необычные персонажи, а сосок ваших на каждом углу можно встретить.

– Пипец!

– Тиран!

Пацаны возмущались. Но тут я заметил подходящую старушку. Сама чуть не до революции родилась, а намазюкалась как школьница на выпускной, стоит такая в красном берете и голубей семками кормит.

– Вот ее снимем. Поперли!

Пацаны скривились. Они типа красоток предлагали, а я старушку выбрал. Решили, что я извращенец. Но для кино-то чем необычнее, тем интереснее.

Подошел я к старушке.

– Здравствуйте, – говорю, – мы тут кино снимаем, не хотите поучаствовать?

А она как завизжит:

– Уйди, оглоед! Ты мне всех голубей распугаешь!

Те и правда щеманулись кто куда. Но больше от ее крика, чем от моего появления.

– Извините, – говорю. Я прямо сама вежливость, – так что насчет съемок? Поможете нам?

– Я, – говорит, – щас вам так помогу, оглоеды чертовы! Щас палку возьму и по голове вам всажу!

И головой замахала так, что берет слетел и прямиком в лужу. Психованная какая-то. Мы свалили.

– Ну че, выбрал? – ликовал Новиков. – Предлагали тебе девчонок нормальных, нет, он двинутую какую-то захотел.

– Ну ошибся. С кем не бывает. Старухи, они все двинутые. Я же не знал, что эта настолько.

– Может, в дурку позвонить? – предложил Марк. – Пусть полечат ее.

– Да такую лечить бесполезно, – Саня оглянулся назад. Старуха размахивала намокшим беретом и бросала нам вслед какие-то проклятия.

– Ты заснял че-нибудь?

– Угу. Немного. Надо стереть ее на фиг.

– Да не, оставь, может, вставим потом куда-нибудь.

Следующие два часа прошли не лучшим образом. Мы

подходили к дворникам, к теткам, раздающим листовки, к продавщицам, официанткам, просто прохожим, но никто с нами не хотел разговаривать. Я даже отправлял Новикова подальше от нас с его кастрюлей, которая у всех вызывала подозрения, но никто по-прежнему не хотел с нами общаться.

– Че за фигня? – возмутился я. – Мы же тарелочку разбили?

– Разбили, – подтвердил Марк.

– А че нам так не прет?

– Хэээ.

– Надо было просто девчонок тех заснять. Или Снежану, – сказал Саня, ставя кастрюлю на лавку.

– Запарил ты со своими девками. Заведи себе подружку.

– Это же не такса. Ее просто так не заведешь, – вздохнул Новиков.

– Ага, – согласился с ним Марк. – А че мы с кастинга никого не снимем? Там же целая куча народу была.

– Эта куча народу начнет кривляться и наигрывать на камеру. А мне это на фиг не надо. Мне нужны чистые эмоции.

– Ну да, – заворчал Новиков, – ты же прогрессивный режиссер. Все тебе выпендриться надо.

– Молодые люди, – раздалось откуда-то из-за спины.

Мы обернулись. Перед нами стоял тучный мужик и держался за сердце.

– Молодые люди, – повторил он, – мне бы водички купить,

боюсь, сердце прихватит, и я прямо на дорогу грохнусь.

– И? – спросил Саня.

– А я деньги дома забыл. Может, одолжите рублей двадцать, а то, не дай бог, копыта еще здесь отброшу.

Он еще сильнее скривился и прижал ладонь к сердцу.

– Да вы сядьте, – предложил Марк, отодвигая кастрюлю.

Мужик сел и посмотрел на нас.

– Ну так что?

Мы переглянулись. Саня полез за бумажником.

– Конечно, мы дадим вам денег, – сказал я. – Но, может быть, вы тоже нам поможете?

Мужик побелел от удивления и даже руку от сердца убрал.

– Да вы не бойтесь. Просто нужно ответить на четыре коротких вопроса. Это не займет много времени.

Я толкнул Марка, чтобы он включил камеру.

– Ну хорошо, – согласился мужик. – Только, пожалуйста, быстрее! – И снова взялся за сердце.

– Вопрос первый. Верите ли вы, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

– Вы что, издеваетесь?

– Да что такого?

– Не буду я отвечать на ваши вопросы!

Мужик вскочил, выхватил у Сани две десятки и почесал так, будто у него вообще никакого сердца нет и болеть нечему.

– Урод! – крикнул ему вслед я.

– Да это ты урод! У человека сердце болит, а ты ему про конец света, – возмутился Саня. – И ты еще удивляешься, че у нас никто сниматься не хочет.

– Аче такого? Не я же это придумал, а майя. А мужик этот реальный урод, ни фига у него не болело, знает, что так просто бабок никто ему не даст, и разводит людей, как лохов.

– Да не, че бы ему тогда убежать было? – резонно возразил Марк. – Ответил бы да пошел. Считаю, что заработал. По ходу реально испугался.

– Во-во! – не унимался Новиков. – Ты бы еще в онкологическое отделение пришел и начал их про конец света спрашивать.

– А че нет? Они что, не люди?

– Тут вопрос не в том, люди они или нет. Это типа неэтично.

– Да пипец вообще! – возмутился я. – Как жить-то? Кого ни тронь, все или геи, или инвалиды, или просто больные, или беременные, или старые, или гастарбайтеры какие-нибудь. Не мир, а кусок толерантности.

– Вот ты и не трогай никого, – сказал Марк.

И я в очередной раз начал думать, что зря ввязался во все это. Умру без «Пальмовой ветви». По крайней мере у меня есть мечта, а это уже немало. Есть же люди, которые ни о чем не мечтают или не верят в апокалипсис. Живут себе спокойно, открывают хлебницу, а там пусто. «Вот блин, – думают, – надо за хлебом сходить». Выходят за хлебом, а тут

раз – и метеоритный дождь. Хлобысь – и нет никого. Вот и не верьте в апокалипсис.

– Ладно, не фиг трещать! Поперли герояв выискивать.

– А все знаешь почему? – неожиданно сказал Новиков.

– Почему?

– Потому что тебе лень было сценарий написать.

– А. Ясно. Ну напиши, если ты такой умный и если тебе не лень.

– Да че теперь писать? Уже снимаем же, – ответил Саня и кивнул на кастрюлю.

Снимаем, блин. Теперь ко всем подходил Новиков, но сути это не поменяло. Люди соглашались отвечать, но все как один не верили в апокалипсис.

– Верите ли вы, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

– Нет.

– А вы верите, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

– Нет, конечно.

– А вы?

– Не смешите меня. Какой конец света? Сколько их уже предсказывали. Чушь все это.

И дальше в таком же роде: «я что, похожа на сумасшедшую?», «я в сказки не верю», «я вообще атеист», «вам не стыдно спрашивать глупости?», «конечно, верю, а еще я верю в Деда Мороза и в то, что „Лада-Калина“ хорошая машина». Один вообще неадекват какой-то попался. Лысый с

фингалом под глазом.

– Верите ли вы, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

– Трудно сказать. Все зависит от того, какая ткань.

– Что, простите?

– Ткань. Хлопок там, лен. Есть еще вельвет.

– И что?

– Вы носите майки?

– Да, все носят майки.

– Я считаю, что это плохо. Не надо носить майки. Это плохо.

– А что с концом света?

– Конец света – это... Я купил майку, но не ношу принципиально.

Видимо, пьяный был в дупель. Не дослушав его, я махнул Марку, чтобы он выключил камеру. Лысый шел за нами и бубнил что-то о вреде маек. Я не слушал. Чтобы избавиться от него, мы вошли в магазин. Неплохо было бы и перекусить. А то ходим с кастрюлей, а есть совершенно нечего.

Взяли по пирожку, вышли на улицу, сели на лавочку поесть. Вот что хорошего в еде: радоваться было нечему, а нам почему-то стало хорошо. Когда ты голодный, тебя одолевают и зло, и печаль, и досада, и прочие неприятности. Сытому же все по плечу, сытый – добрый и довольный жизнью человек. Вот и мы разулыбались, как дровосеки на параде.

– А че, этот лысый прикольный, – сказал Марк.

– Че в нем прикольного? Обдолбанный какой-то.

– Ты же выбирал, – уколол меня Саня.

– Я же не думал, что он неадекватом окажется.

– Да ладно вам. Давайте его на ютуб выложим. По любому пару тысяч просмотров наберем. Может, даже больше.

– Ага, может, его даже в «+100500» покажут, – размечтался Новиков.

– Какой ютуб? Вы че, обурели? Мы серьезное кино снимаем.

– Да, много наснимали, – съязвил уже и Марк.

– Снимем еще.

– Как ты, кстати, раскручиваться хочешь? Не можем же мы просто так от балды взять и в Канны кино отправить?

– Почему нет?

– Да потому.

– Аргументировал.

– Тут и аргументировать нечего! – вмешался Саня. – Марк прав. Можно использовать тот же ютуб. Будем выкладывать туда «То, что нас ждет» частями, может, кто и прикольнется.

– Может, и денег даже дадут, на бюджет. Так что лысого надо выложить в сеть.

– Да я не хочу использовать его в своем фильме!

– В своем?

– Ну, в нашем. Только все равно я решаю, что попадет в фильм, а что – нет.

Короче говоря, мы чуть не передрались на этой лавочке.

Вдобавок ко всему в камере села батарейка, а запасной у нас, разумеется, не было.

– Ну чего, – резюмировал Марк. – Будем считать, что первая смена у нас закончилась.

– Будем, – грустно согласился я.

– Держите, пацаны!

Новиков раздал нам осколки тарелочки. Мне достались с автографом Марка и словом «нас» из названия. «Приду домой, положу на полку» – подумал я. Так сказать, первый шаг на пути к главному призу.

Следующий день был выходным от съемок. Мы все трое работали. Я получил ответ от заказчика, того, что просил нарисовать герб. Он сказал, что идея ему нравится, но не хватает пафоса. Долбаный этот пафос. Что ему, айфон, что ли, пририсовать, варану этому? Ради прикола я так и сделал. Получилось смешно. Может, лучше айпад? И во вторую руку я дорисовал варану айпад. Может, еще кеды со спущенными джинсами добавить? Но это будет уже полнейшим извращением. Я не стал ломать голову и отправил с айфоном и айпадом, пусть хоть поржет, увидит, какой я креативный.

С этим заказом покончили, осталось еще два неинтересных. Но деньги вроде как не пахнут, хотя бывают разные ситуации. Первый – социальная реклама о вреде курения, второй – дизайн сайта для автолюбителей. К машинам никогда не испытывал страсти, есть они и есть, хотя некоторые реально очень крутые, но просто не мое, а вот насчет сигарет

я не очень поддерживаю все эти вдалбливания типа «Минздрав предупреждает», «заботьтесь о своем здоровье» и т. п. Это личное дело каждого. К тому же траву курить весело. Действительно на ха-ха пробивает. Я пробовал пару раз. Но никого не призываю. Знаю я вас, щас вам скажешь, что это круто, и вы сразу: «Ага, чувак, да ты за наркоту, в ментовку таких сдавать надо». Это дело каждого, хочешь убивать себя, так – убивай, не хочешь – пожалуйста, иди в паркурщики, там-то твоему здоровью ничего не грозит. Просто тебе сообщили, что это, вероятнее всего, навредит тебе, а дальше уж сам, будь любезен, решай: надо тебе это или нет. Должна быть своя голова на плечах. Так что не надо мне приписывать того, чего я не говорил.

С курением этим пришлось повозиться. Сайты-то я на раз-два бахаю, а вот тут... Но нет неприступных крепостей. Нарисовал рыцаря в доспехах, во рту которого дымится сигарета, и кружащего над ним дракона. Подписал все это дело: «Змий никотина не дремлет». Не понравится – плевать, проживу без этих пары тысяч. Я зато теперь режиссер, как Феллини или Чаплин. А эти пусть продолжают о вреде курения предупреждать.

Разгорячившись, я решил посмотреть киношку. Так сказать, набраться вдохновения. На винте висел «Довольно добрый человек». Норвежский кинч. Вот норвежцы, кстати, молодцы, у них население раз в десять меньше нашего, а кино раз в сорок лучше делают. И с юмором у товарищей все в по-

рядке, если комедия, то смешная, не для всех, но смешная, а если триллер, то реально сидишь и саспенс чувствуешь. А у нас какой-то «Камень» снимают, где юморист без актерского образования в главной роли играет. Начало было скучноватым, мужика выпустили из тюрьмы, он отсидел двенадцать лет. Вот его встретили друзья, каких-то мутных два чувака, повезли куда-то. Медленное кино, потому и не так интересно. Но вот потом вообще тема пошла. Он устроился на работу в автомастерскую, снял комнату в подвале у страшнящей бабки, сидит телик смотрит. Тот показывает с помехами, как телику еще показывать? Мужик стал поправлять антенну, и вдруг помехи исчезли и из телика заговорили по-польски. И вот мужик этот теперь сидел на кровати и смотрел передачу на польском. И бабка, хозяйка его, ужин принесла, смотрит на телик, че это, спрашивает.

– Передача.

– На русском, что ли?

– Нет, на польском.

И вот они уже вдвоем сидят телик смотрят. Смешно. Потом она раз такая, панталоны сняла, давай, говорит, раз тебе неймется так. Мужик подумал, страшная баба все-таки, но сама предлагает, навалился на нее. Ать-ать по-пионерски и давай дальше смотреть. Самое веселое, что все девки сами на мужика этого накидывались. Они все страшные, но тут, видимо, у норвежцев дикие проблемы, особенно если вспомнить биатлонистку Туру Бергер, но мужик стойко соглашал-

ся.

– Давай по-быстрому. Ты же двенадцать лет сидел. Хочется, наверное. – Это бывшая жена. Он к ней после бабки пошел, проведать.

– Пойдем ко мне. Я рыбных котлет сделаю. – А эта из автомастерской, которая, впрочем, вначале заявила, что к ней и подходить нельзя. Но мужик героически избавил ее от бывшего, она решила его отблагодарить. И вот она показывает на стол, где стоят рыбные котлеты, и начинает раздеваться. Сначала чих-пых, потом только кушать. Он пожал плечами и лег рядом.

Вот бы Новикова в этот кинч, оторвался бы по полной. Но это только одна линия. Вообще кино вполне серьезное. Мужик этот пытался наладить отношения с сыном и начать новую жизнь. Так что любителям кричать «ни о чем» придется уткнуться. Кому надо – найдет смысл. Пошли титры, и я улыбнулся. Хорошее кино. А меня, блин, угораздило родиться в городе, где люди боятся камер и рушат чужие мечты.

Но ничего, прорвемся. Только подумал, и зазвонил телефон.

– Саня? – Новиков, кто же еще?

– Я за него.

– Мне Снежана звонила!

– Сама?

– Нет, блин, мама за нее разговаривала!

– И что хотела?

– Просила встретиться.

– А ты?

– А я согласился.

– Ты че, придурок?

– Че сразу придурок?

– Мы не будем ее снимать!

– Я помню. Может, она просто хочет встретиться.

– Что значит просто?

– То и значит. Может, я ей понравился.

– Ты? Саня, хорош коры коры мочить.

– Че сразу коры? – обиделся товарищ. – Я че, не могу де-вушке понравиться?

– Можешь, конечно! Тем более такой, как Снежана. Ей только такие пацаны вроде тебя и нравятся.

– Да пошел ты! – Саня бросил трубку.

А я напрягся. Че ей надо, Снежане этой? Вернее, понятно, что ей надо, но как ей объяснить, что она не вписывается в концепцию нашего фильма. Блин, наитупейшее слово «концепция». И Снежана эта. Сразу все впечатление от хорошего фильма испортила. А Саня тоже хорош: «может, я ей понравился». Угу, понравился, Орландо Блум фигов!

И снова пришлось заливать мысли алкоголем. Интересно, все киношники поступают таким образом? Если да, то киряют они дай боже.

У пивчанского был приятный горьковатый вкус. Обожаю

темное пиво. Что может быть лучше, чем достать бутылочку из холодильника и не спеша раздавить с рыбкой. После конца света определенно буду скучать по холодному темному. И я, опять же, никого не призываю, нравится вам йогой заниматься – занимайтесь.

Я вспомнил о Серее. Как он там? Вот бы поделиться с ним. А то лежит у себя в палате, нога сломана, так еще и полиция регулярно навевывается. Пипец он товарищ. Герой настоящий, надо будет про него что-нибудь в фильм вставить. Мол, ради создания «То, что нас ждет» наш товарищ Заикин рисковал здоровьем и даже угодил в тюрьму. Может, его потом простят и выпустят. Очень хотелось бы в это верить.

Залез в почту. Дизайн сайта одобрили, по курению не ответили, а вот Варанов оценил мое чувство юмора, написал, что смешно, но все равно не то, и дал мне типа последний шанс: если не справлюсь, то обратится к кому-нибудь другому. Хорошо хоть посмеялся, значит, не самый трудный заказчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.